

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА КНИГИ
«ФОРМАЛЬНЫЙ МЕТОД В ЛИТЕРАТУРО-
ВЕДЕНИИ»**

Дипломная работа
Отделение языковедения
Кафедра русского языка и культуры
Университет Ювяскюля
8 июня 2005 г.

Минтту Хаапаниemi
Суви Кайкконен
Кайса Лейнонен
Сари Мякикангас

JYVÄSKYLÄN YLIOPISTO

Tiedekunta – Faculty Humanistinen	Laitos – Department Kielten laitos
Tekijät – Authors Minttu Haapaniemi, Suvi Kaikkonen, Kaisa Leinonen, Sari Mäkikangas	
Työn nimi – Title Teorija i praktika perevoda knigi "Formalnyj metod v literaturovedenii" (Teoksen Formaali metodi kirjallisuustieteessä kääntämisen teoria ja käytäntö)	
Oppiaine – Subject Venäjän kieli ja kulttuuri	Työn laji – Level Pro gradu
Aika – Month and year Kesäkuu 2005	Sivumäärä – Number of pages 97
Tiivistelmä – Abstract <p>Tämä tutkimus on ns. työnäytegradu, toisin sanoen se koostuu tekemästämme käännöksestä ja sen analyttisestä tarkastelusta teoriaan pohjautuen. Työ on toteutettu neljän hengen ryhmässä. Tutkimuksessa analysoimme teoksen Formalnyj metod v literaturovedenii (Pavel Nikolaevič Medvedev, 1928) kääntämisen aikana esille nousseita metatekstuaalisen ja syntaktisen tason ongelmia kiinnittäen huomiota suomalaisen ja venäläisen tieteellisen tekstin yhtäläisyyksiin ja eroihin. Tekemämme suomennos julkaistaan vuoden 2005 aikana nimellä Formaali metodi kirjallisuustieteessä.</p> <p>Analyysin teoreettisena lähtökohtana on ollut skoposteoria. Katharina Reiss ja Hans Vermeer toivat käännösteoriaan 1980-luvulla käsitteen skopos, joka tarkoittaa käännösprosessille asetettua päämäärää. Teorian mukaan jokainen käännös on ainutkertainen. Täten jokaiselle käännökselle on määriteltävä oma skopoksensa ottaen huomioon tulokulttuurin normit, käännöksen vastaanottajat sekä annettu toimeskianto. Tekemämme käännöksen skopoksena oli luoda sidoksinen, yhtenäinen sekä luettava käännös, joka vastaa sisällöllisesti mahdollisimman tarkasti alkuperäisteosta.</p> <p>Metatekstuaalisen tason ilmiöistä tarkastelemme venäläisen ja suomalaisen tieteellisen tekstin interpersonaalisia suhteita ja konnektiiveja, jotka luovat tekstiin sidoksisuutta. Syntaktisella tasolla analysoimme puolestaan lausepituutta, partisiippeja, gerundeja ja substantiivirakenteita, joilla on merkitystä tekstin luettavuuden kannalta käännettäessä venäjämästä suomeen. Näiden tasojen analyysin perusteella voidaan todeta, että käännettäessä on otettava huomioon monenlaisia tekijöitä, jotta käännöksestä tulisi luettava ja sidoksinen ja jotta se noudattaisi vastaanottajille tuttuja tieteellisen tekstin piirteitä. Analyysien pohjalta voidaan kuitenkin myös todeta, että käännettäessä on toisinaan poikettava tulokulttuurin tieteellisen tekstin konventioista, jotta asiasisältö voitaisiin välittää mahdollisimman tarkasti.</p>	
Asiasanat – Keywords Kääntäminen, skoposteoria, tieteellinen teksti, metateksti, interpersonaaliset suhteet, konnektiivit, lausepituus, partisiipit, gerundit, substantiivilauseke, luettavuus	
Säilytyspaikka – Depository Kielten laitos/ venäjän kieli ja kulttuuri	
Muita tietoja – Additional information Työnäytegradu	

СОДЕРЖАНИЕ

1	ВВЕДЕНИЕ.....	6
1.1	Материалы и методы дипломной работы	7
1.2	Цель и структура дипломной работы.....	10
2	ОСНОВЫ СКОПОС-ТЕОРИИ.....	11
2.1	Основные предпосылки формирования концепции скопоса.....	11
2.2	Разные подходы к переводу	13
2.3	Концепция скопоса в переводе	13
2.4	Принцип лояльности и анализ текста	15
3	ОСОБЕННЫЕ ЧЕРТЫ ФИНСКОГО И РУССКОГО НАУЧНЫХ СТИЛЕЙ.....	17
3.1	Особенности финского научного стиля	18
3.2	Особенности русского научного стиля.....	21
3.3	Сравнение финского и русского научных стилей.....	24
4	СКОПОС И ТЕМЫ АНАЛИЗА ПЕРЕВОДА	26
5	МЕТАТЕКСТУАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ (С. Кайкконен и С. Мякикангас)	29
5.1	Интерперсональные черты научных текстов	30
5.1.1	Выражение субъективно-модального отношения автора в научных текстах.....	32
5.1.2	Межличностное взаимодействие автора и адресатов в научных текстах	33

5.1.3	Средства выражения межличностных отношений в финском и русском языках.....	34
5.1.3.1	Перевод выражений авторского «я»	36
5.1.3.2	Перевод выражений коллективного «мы»	39
5.1.3.3	Перевод обращений автора к адресатам	41
5.1.3.4	Выводы на основании анализа перевода выражений межличностных отношений.....	43
5.2	Коннективы - текстообразующие языковые единицы.....	45
5.2.1	Определение коннектора и коннектива	45
5.2.2	Классификация коннективов	48
5.2.3	Анализ трех типов сцепления	50
5.2.3.1	Присоединительный тип сцепления	51
5.2.3.2	Противительный тип сцепления	53
5.2.3.3	Иллюстративный тип сцепления.....	56
5.2.3.4	Выводы на основе анализа употребления коннективов	58
6	СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ (М. Хаапаниemi и К. Лейнонен).....	60
6.1	Длина предложения	62
6.2	Причастные и деепричастные обороты.....	65
6.2.1	Причастные и деепричастные обороты в русской научной речи	65

6.2.2	Причастные обороты и инфинитивные конструкции в финской научной речи.....	66
6.2.3	Функционирование причастных оборотов в переводе	68
6.2.4	Функционирование деепричастных оборотов в переводе .	71
6.2.5	Выводы на основе анализа употребления причастных и деепричастных оборотов	74
6.3	Номинализованные структуры	76
6.3.1	Свернутые и развернутые структуры	77
6.3.2	Влияние номинализованных структур на читабельность...	80
6.3.3	Методы сокращения частотности номинализованных структур.....	81
6.3.4	Выводы на основе анализа употребления номинализованных структур.....	86
7	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	88
	ЛИТЕРАТУРА.....	93
	ИСТОЧНИКИ.....	97

1 ВВЕДЕНИЕ

Перевод является комплексной человеческой и культурно-специфической деятельностью. Перевод – это взаимодействие между переводчиком и адресатами. При нем важно учесть различия между исходной культурой и культурой перевода, чтобы точное содержание и нюансы оригинального текста были переданы адресатам перевода. Компетентный переводчик имеет знания, как о своей собственной культуре, так и о той культуре, где переводимый текст создан. Кроме того, что опыт исходной культуры увеличивается, у переводчика может развиваться также сознание своей собственной культуры. Переводить можно, разумеется, и с родного языка на иностранный язык.

Наша дипломная работа посвящена переводу произведения П. Н. Медведева *Формальный метод в литературоведении* (2003), и рассмотрению возникающих при процессе перевода трудностей. Выбор данного произведения объясняется тем, что исследователь Мика Ляхтеэнмяки предложил нам, четверым студентам, переводить данную книгу, и мы заинтересовались этой задачей. Нас мотивировал, прежде всего, тот

факт, что при нашей помощи данное произведение будет опубликовано в Финляндии осенью 2005-ого г. Название перевода – *Formaali metodi kirjallisuustieteessä*. Кроме того, произведение исторически значительно с точки зрения литературоведения. Надеемся, что его перевод на финский язык является полезным для многих финских исследователей данной области.

Нашей теоретической основой является скопос-теория, самыми важными понятиями которой являются, в частности, *коммуникативность* и *адекватность* перевода. Основывая свою работу на скопос-теорию, мы считаем важным представить также культурно-специфические различия между русским и финским научными стилями. Принимая во внимание принципы скопос-теории и нормы научных стилей этих языков, мы составим скопос, с другими словами цель, для нашего перевода. Что касается анализа возникающих при переводе трудностей, приходится отметить, что мы сосредоточимся только на нескольких, по нашему мнению, существенных темах, которые становились самыми явными. Эти темы мы решили выделить на две группы. Анализ, разумеется, основывается в нашем скопосе.

1.1 Материалы и методы дипломной работы

Данная дипломная работа можно назвать прикладно-показательной (фи. *työnäytegradu*), так как она по своему содержанию и методам осуществления не входит в рамки традиционной дипломной работы. Наша работа состоит из двух частей – практической и теоретической. Практическая часть охватывает перевод произведения П.Н. Медведева *Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику* (впервые опубликовано 1928 г.) на финский язык. Теоретическая часть, со своей стороны, содержит теоретический подход к осуществлению этого перевода, включая основные сведения об используемой нами теории перевода и также анализ переводческого процесса. Этих двух частей нельзя, однако, считать совершенно отдельными, ведь они дополняют друг друга: теоретическое рассмотрение

способствует решению проблематических моментов перевода, и перевод предоставляет конкретный материал для анализа разных явлений.

Данное произведение П. Н. Медведева принято относить к числу так называемых текстов бахтинского круга, так как Медведев (1892-1938) был активным деятелем этого круга и коллегой М.М. Бахтина в 1920-х и 30-х годах. Произведение является критическим анализом русского формализма и попыткой представить так называемую социологическую поэтику в общих чертах. Из этих теоретических рамок вытекал один существенный момент нашей работы: выяснение значения употребляемых в произведении терминов и поиск адекватных соответствий на финском. В состав терминов входили, кроме общих литературоведческих терминов, множество понятий, употребляемых, прежде всего, формалистами, и также понятия философии, связанные с мышлением круга Бахтина. В нашей дипломной работе мы не будем подробнее разбирать проблематику перевода терминологии. Таким образом, будем здесь лишь коротко упоминать средства и способы, использованных нами в переводе терминов. Во-первых, нами была использована существующая на финском литература касательно формализма и бахтинских текстов. Большую помощь в переводе формалистической терминологии оказала антология текстов русских формалистов, переведенная и составленная Т. Суни и П. Песоненом (*Venäläinen formalismi*. SKS 2001.) В переводе терминов бахтинской и марксистской философии мы использовали, в том числе, переводы Т. Лайне произведения В. Волошинова. Дальше, с основными принципами перевода данной терминологии и общей проблематикой этой задачи нас ознакомил, кроме руководителя нашего перевода, т.е. Мика Ляхтеэнмяки, также Крейг Брэндиш, специалист шеффилдского университета по бахтинским текстам. В-третьих, в ходе перевода текста, нами был составлен список терминов с финскими переводами, с помощью которого было проверено одинаковое употребление терминов в разных частях перевода.

То, что наша работа была осуществлена коллективно, рабочей группой, оказывало влияние на методы во всех этапах совершения этой работы.

На первом этапе, после самостоятельного чтения, мы изучали произведение, встречаясь за круглым столом, в которых обсуждали проблематические моменты текста, в том числе терминологию. Одновременно уточнялся скопос, т.е. цели нашего перевода.

Второй этап работы, перевод текста, заключал в себе и индивидуальную деятельность, и работу в коллективе. Каждый переводчик нес ответственность за перевод определенной части, но все переводы были прочитаны и прокомментированы и руководителем практической части, и другими членами коллектива. Методом совершения перевода был писать в процессе, т.е. текст был переведен в недлинных отрывках, которые обрабатывали после комментариев и предложений, касающихся следующим: разных уровней текста, но намеренных на совпадение решений перевода с установленным скопосом. На этой стадии, каждый переводчик занимался рефлексированием, т.е. записывал проблематические моменты в своем переводе, варианты их решения, пытался разделять проблемы на группы по их характеру. Окончательная обработка всего текста перед изданием перевода, прежде всего, в плане стилистического единства текста и употребления терминов, и также составление списка ссылок на источники делаются редакторами М. Ляхтеэнмяки и Т. Лайне.

Третий этап нашей работы охватывало описание теоретических основ для практической части, т.е. перевода, и также анализ определенных уровней перевода. И здесь работа имела частично коллективный, частично индивидуальный характер: каждый из нас сосредоточился на рассмотрении определенного аспекта в переводе и написал свой анализ. Однако, эти разные аспекты были выбраны вместе, по опыту влияния разных факторов на адекватности перевода с точки зрения целей перевода, прежде всего, читабельности.

1.2 Цель и структура дипломной работы

Цель нашей дипломной работы – во-первых, создать читабельный, единый и компетентный перевод согласно нашему скопосу. Данная цель осложняется и делается интересной тем фактом, что мы работаем в группе из четырех человек. Во-вторых, мы хотим показывать, что существуют различия между финским и русским научными стилями и что мы их учитывали в процессе создания перевода.

Данная дипломная работа состоит из семи глав. Во второй главе обсуждаются разные подходы к переводу и скопос-теория с ее основными понятиями. Третья глава посвящена рассмотрению различий и сходств финского и русского научных стилей. В четвертой главе представлены наш скопос и темы анализа. В пятой и шестой главах осуществляется анализ данных тем. В пятой главе представлен и анализирован мета-текстуальный уровень научных текстов, и в шестой главе, в свою очередь, синтаксический уровень. В седьмой главе приводятся важнейшие выводы данной дипломной работы и всего рабочего процесса.

2 ОСНОВЫ СКОПОС-ТЕОРИИ

В данной главе рассматривается теоретическая основа практическо-прикладной части нашей работы, т.е. те принципы, которые мы соблюдали в самом процессе перевода. Во-первых, представляются основные положения функциональных и коммуникативных теорий перевода как контекст создания концепции скопоса. Во-вторых, описывается концепция скопоса как основа теории перевода.

2.1 Основные предпосылки формирования концепции скопоса

Понятие скопоса в связи с теорией перевода впервые стали употреблять К. Райс и Х. Фермеер. В своем произведении *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie* (1984) они ставят перед собой задачу создания основных предпосылок общей теории перевода, ориентируясь и на лингвистические и культурологические аспекты этого вопроса, а также на текстовую лингвистику (Reiss & Vermeer 1986: 4.) Теорию скопоса можно считать *коммуникативной*, так как перевод по этой концепции

происходит в рамках *коммуникативной ситуации*, на основе исходного текста и перевода. Специфика этой ситуации коммуникации заключается в присутствии в ней двух разных культур. (Nord 1994: 107.)

Рассматривая разные научные и практические подходы к переводу на протяжении развития переводческого мышления можно обнаружить один значительный фактор, объединяющий их: *эквивалентность* перевода с оригинальным текстом как цель перевода или требование к нему. Критерии эквивалентности менялись от лингвистического соответствия (лингвистические теории перевода) до эквивалентности реакции адресатов (теория динамической эквивалентности Э. Найда) и эквивалентности функций перевода и оригинала (теории функциональной эквивалентности). (Vehmas-Lehto 1999: 90-91.)

Понятие эквивалентности стало особенно проблематичным относительно коммуникативного и функционального подходов к переводу. Само понятие является весьма сложным и многосторонним. Существуют разные модели типологической классификации эквивалентности, также как и противоречивые рассуждения об его оправданности или необходимости. Согласно современному пониманию, эквивалентность в широком смысле означает связь между исходным текстом и переводом (или их частями), но качество этой связи неоднозначно. (Reiss & Vermeer 1986: 70.)

Проблематичность понятия эквивалентности в рамках коммуникативных и функциональных теорий перевода связана, прежде всего, с относительностью этого понятия и проблемами эмпирического установления эквивалентности. Такая «эластичность» понятия привела к модификациям теоретических оснований – например, в теории функциональной эквивалентности отступили от требования идентичности функций исходного текста и перевода, когда стало ясно, что совершенное совпадение функций текстов, производимых и воспринимаемых, в условиях разных культур и разных ситуаций является практически невозможным. (Vehmas-Lehto 1999: 91.)

Приводим здесь еще одно понятие, существенное с точки зрения теории скопоса и вообще известных коммуникативных подходов к переводу – адекватность. Этот термин указывает на функционирование перевода в контексте восприятия, т.е. связь перевода с языком перевода и с рецепторами (Vehmas-Lehto 1999: 91).

2.2 Разные подходы к переводу

До появления теории скопоса среди коммуникативных и функциональных теорий перевода господствовало понимание перевода как *двухфазового акта коммуникации*: переводчик воспринимает оригинальный текст и переоформляет его в текст на языке рецептора. Таким образом, речь идет о *перекодировании* с одного языка на другой. (Reiss & Vermeer 1986: 25-26.) Такое понимание перевода Райс и Фермеер считают недостаточным, так как в нем недооценивается проблематика культуры, которую они считают неотделимой от лингвистических вопросов. Кроме того, в вышеописанной модели упускается из виду, что функция перевода может отличаться от функции оригинального текста. (Reiss & Vermeer 1986: 27.)

В своей теории Райс и Фермеер, исходя из предпосылок акциональной теории, определяют перевод, во-первых, как вербальную деятельность, точнее, как специальную форму вербального трансфера (Reiss & Vermeer 1986: 16). Во-вторых, чтобы выразить интенциональность адресанта этой интеракции, Райс и Фермеер включают в определение перевода понятие информации (Reiss & Vermeer 1986: 39). Таким образом, получается следующая формулировка определения перевода: перевод – это предложение информации на языке перевода о предложении информации, выраженном на исходном языке (Reiss & Vermeer 1986: 44).

2.3 Концепция скопоса в переводе

Понятие скопоса, которое составляет ядро данной теории, происходит от греческого слова *skopos*, означающее цель любой деятельности

(Reiss & Vermeer 1986: 55). Согласно Фермееру, в теориях перевода скопос указывает на функции, на выполнение которых в контексте культуры адресатов предназначен перевод (Nord 1994: 106). Однако, в зависимости от аспекта рассмотрения, в это понятие включается еще несколько иных признаков. Например, Фермеер упоминает три варианта употребления термина скопоса: 1) в значении «цель процесса перевода» 2) в значении «функции перевода» 3) в значении «назначения способа перевода». (Vehmas-Lehto 1999: 92.)

Как мы показали выше, перевод по Райс и Фермееру является видом деятельности. Исходной ситуацией для деятельности переводчика является уже существующий исходный текст. Переводчик должен решить основополагающий вопрос о том, нужно ли переводить, а если да, какими методами. Из этих условий вытекает основное правило теории скопоса: *решающим фактором всякой формы перевода является скопос перевода.* (Reiss & Vermeer 1986: 54-55.)

По данной теории, выбор стратегий и конкретных способов перевода зависит от определенного скопоса: *Важнее, чем совершить перевод каким-либо определенным способом, – достигнуть поставленной цели (функции) перевода* (Reiss & Vermeer 1986: 58). Нужно отметить, что скопос перевода нередко отличается от скопоса исходного текста, главным образом потому, что перевод, как акт создания текста, является иным событием, чем создание исходного текста (Reiss & Vermeer 1986: 60).

Каким же образом определяется скопос перевода? По концепции Кристиане Норд, цель перевода, как правило, ставится "инициатором" данной деятельности, который может быть заказчик или, как нередко бывает, сам переводчик. В случае запроса скопос выявлен в форме поручения или инструкции перевода. (Nord 1994: 107.) Райс и Фермеер согласны с Хеллой Киршхофф в том, что установление скопоса возможно лишь тогда, когда имеется хотя бы примерное представление о рецепторах перевода (Reiss & Vermeer 1986: 59).

2.4 Принцип лояльности и анализ текста

Сейчас мы останавливаемся еще на одном понятии, добавляющем важный аспект в разобранную нами теорию скопоса. Это *принцип лояльности* (*loyalty principle*), термин предложенный Кристиане Норд. Этот принцип заключается в том, что применяя концепцию скопоса, теоретически допускающую выбор любой цели перевода, переводчик все же должен учитывать культурно-специфические нормы и условия перевода, влияющие на ожидания участников интеракции, касающиеся отношений исходного текста и перевода. По Норд, в случае противоречия определенного скопоса с доминирующими нормами перевода, переводчик может или отказаться от перевода по данному скопосу, уговорить инициатора на модификацию скопоса или перевести по данному скопосу, а приложить к переводу для рецептора объяснение процедуры перевода, например, в виде предисловия. (Nord 1994: 107.) Это положение Норд является весьма существенным с точки зрения отношения теории скопоса с исходным текстом, так как в ней выражается связь перевода с исходным текстом и исходной ситуацией, с одной стороны, а с рецепторской ситуацией, с другой стороны, также как ответственность переводчика и перед автором исходного текста, и перед рецептором перевода (Vehmas-Lehto 1999: 96).

С точки зрения осуществления перевода, по теории скопоса, особенно важную роль играет анализ текста. Этот вопрос затрагивает Норд, утверждая, что анализ текста имеет две основные функции при переводе: он 1) как анализ скопоса создает основу для описания перевода и его контекста; 2) как анализ исходного текста, показывает, во-первых, входит ли осуществление скопоса перевода в рамки норм перевода, а во-вторых, какие элементы исходного текста могут или должны быть использованы для создания перевода по данным инструкциям. (Nord 1994: 107.)

В следующем мы еще коротко представим модель процесса перевода по концепции К. Норд:

- анализ скопоса по полученным инструкциям; определение задачи перевода
- анализ исходного текста, начиная от элементов исходной культуры, определяющих функцию исходного текста
- сравнение исходного текста и перевода, ведущее к определению функционального отношения между ними
- проверка совпадения этого отношения с культурно-специфической концепцией перевода (принцип лояльности)
- составление стратегий перевода – т.е. собирание разных процедур, нужных для трансформации элементов исходной культуры на функциональные элементы культуры рецепторов перевода.
- как синтез, получается перевод, функциональность которого может быть проверена на основе скопоса

3 ОСОБЕННЫЕ ЧЕРТЫ ФИНСКОГО И РУССКОГО НАУЧНЫХ СТИЛЕЙ

Стилистические особенности речи определяются прежде всего в зависимости от того, в какой сфере происходит общение, задачи которого определяют основные, фундаментальные особенности речи данной области. Стиль научных работ служит прежде всего целям научного общения, и каждое научное высказывание подчинено функционально-стилистическим нормам и признакам научного стиля. (Кожина 1983: 163.) У научного стиля есть свои нормы употребления лексических, грамматических и структурно-семантических построений (Метс и др. 1981: 5).

Можно считать, что язык науки международный и в силу этого между национальными средствами изложения существуют небольшие различия. Однако, в действительности дело совсем не так: национальная культура влияет в значительной степени на то, о чем и как мы пишем. Она проявляется в наших текстах в большинстве случаев независимо от того, на каком языке мы пишем. (Maunanen 1994: 31.) Пишущий поль-

зуется, относительно формы и содержания, такой риторикой, какую он считает убедительной. Господствующая в определенном лингвистическом и культурном обществе система ценностей и верований разграничивает набор риторических средств и стратегий, доступных определенному пишущему. Представление пишущего о том, как писать и выражать себя убедительно, является результатом его социализации в обществе. Таким образом, вариация является бесспорным свойством культуры и проявляется как в системе письма, так и в нормах и верованиях, связанных с ней. (Mauranen 1993: 4, 37.)

Нормы письма руководят читателями, так как тексты, соответствующие знакомым нормам, считаются в структурном отношении более четкими и более понятными, чем тексты, которые соответствуют чужим нормам. Следовательно, у читателей есть внутренняя схема научного стиля, произведенная их культурным фоном. (Luukka 1995: 16.)

В нашей работе важно сосредоточиться на научном стиле, потому что переводимый нами текст произведения Медведева написан в научном стиле. Как известно, финский и русский научные стили разные, и нам нужно делать некоторые изменения, чтобы текст соответствовал финским нормам и был более читабельным также для читателей перевода книги. В связи с этим мы в этой главе охарактеризуем финский и русский научные стили, а в конце главы сопоставим особенности этих стилей.

3.1 Особенности финского научного стиля

Финская научная письменная речь довольно мало изучена, и по большей части только с точки зрения стиля (Saukkonen 1984: 36-42). У финских исследователей представления о хорошем научном стиле во многом совпадают с представлениями исследователей других европейских стран (Mauranen 1994: 31). Раньше немецкая культура оказала большое влияние на финскую письменную научную речь, но после Второй Мировой войны англо-американская культура стала более значительной сре-

ди исследователей в Финляндии (Mauranen 1993: 3). Однако, можно предположить, что существует особенный скандинавский научный стиль, который отличается как от немецкого, так и от англо-американского стилей (Schröder 1992: 179).

По Саукконену (Saukkonen 1984: 36-42), финскому научному тексту характерно стремление к однозначности, отвлеченности и объективности. Все это проявляется в структуре текстов и в лексике, в частности, в употреблении точных терминов. Научный текст не содержит личных мнений автора и не стремится воздействовать на адресата.

Читая научные статьи, мы обычно стремимся к обнаружению самого главного, которое служит как будто основой всего текста. Для финских авторов характерно, что они говорят о себе косвенно и не повторяют свои аргументы. Кроме того, самое главное у них в тексте высказывается под конец, и поэтому оно обычно толкуется не как исходный пункт исследования, а как его вывод. Все это требует от читателя особого внимания, терпения и, разумеется, много времени. (Mauranen 1994: 32-34.)

Одной из причин того, что финские научные тексты требуют от читателя такого тщательного чтения, является тот факт, что финские авторы в своих статьях вообще минимально употребляют метатекст. Другими словами, они стремятся писать четко и в упрощенном виде и обычно не дают инструкций и объяснений читателям о том, как построен текст, что по мнению данного автора является самым важным в его тексте, какие его основные положения и заключения и что является основополагающим в его работе. Короче говоря, финским научным текстам в какой-то степени характерна имплицитность, тогда как, например, англо-американским текстам более характерна эксплицитность. Финские пишущие усвоили роль одинокого пишущего, который обращает особое внимание на пропозициональное содержание текста и на передачу конкретной информации о мире. Задача читателей – обнаружить самое важное в тексте, сделать свои интерпретации и выводы. (Mauranen 1994: 35-36.)

Одну часть метатекста составляет «интерперсональная», межличностная функция языка, под которой подразумевается выход за пределы пропозиционального содержания текста и сигнализирование коммуникативных интенций самого говорящего в изложении содержания текста (Ванхала-Анишевски 1996: 38). Кроме интенций пишущего одной центральной интерперсональной чертой текста можно считать выражение интерперсональных отношений. Для финских авторов научных текстов типично употребление стратегии смягчения при выражении интенций, выводов, утверждений и результатов. Интерперсональные же отношения в финских письменных текстах выражаются довольно непрямо и неперсонально. (Luukka 1996: 98-103, 108.)

Существенным свойством метатекста являются также коннекторы, которые связывают предложения и фразы текста и также помогают при составлении более крупных совокупностей из более маленьких частей текста (Vanhala-Aniszewski 1999: 375-376). По Мауранен (Mauranen 1993: 6, 96), которая изучала и сравнивала финский и англо-американский научные стили, финны употребляют коннекторы реже и менее разнообразно, чем англичане и американцы.

Далее, финский научный текст является статичным, и ему свойственны отвлеченные глаголы, как например, *доказывать, означать, классифицировать (osoittaa, tarkoittaa, luokitella)*. Кроме того, типичными для научной лексики являются также объективные прилагательные, например, *первый, возможный, общий (ensimmäinen, mahdollinen, yleinen)*, отвлеченные существительные - например, *дело, часть, норма, результат, связь (asia, osa, tapa, tulos, yhteys)* - основывающиеся на разуме. И характерны неопределенные и отвлеченные местоимения – например, *иной, тот же, что-то, какой-то (muu, sama, jokin, eräs)* - и показательные и анализирующие союзы и наречия – в частности, *или, как, вообще, однако (tai, kuten, yleensä, kuitenkin)*. (Saukkonen 1984: 36-42.)

Научный стиль отличается от других стилей также по синтаксису. Финскому научному тексту характерны длинные предложения, придаточные предложения с относительным местоимением *который*, сочинительные

предложения и длинные именные конструкции. (Saukkonen 1984: 36-42.) В финском языке также часто употребляются сочетания глаголов и отвлеченных существительных вместо одного только глагола. Такая конструкция длиннее, чем глагол, выражающий одно и то же значение. (Niemelä et al. 1991: 108.) Вместе с тем, в научных текстах предпочитают страдательный залог употреблению местоимений первого лица (Saukkonen 1984: 36-42).

3.2 Особенности русского научного стиля

Здесь посмотрим, как характеризуется научный стиль, в основном, в русских источниках и какими являются особенности русского научного стиля.

Основными функциональными стилями, по известному принципу, определяются книжные и разговорный стили. В состав книжных стилей входят научный, официально-деловой, публицистический, литературно-художественный стиль (Розенталь 1998:13). Русской научный стиль очень подробно изучен именно как один из функциональных стилей (Vanhala-Aniszewski 1997: 71). Под научным стилем находятся подстили, которыми являются научно-популярный, научно-деловой, научно-технический, научно-публицистический и учебно-научный стиль (Розенталь 1998: 22).

Научный стиль имеет свои характерные признаки, которыми считаются логичная последовательность изложения, упорядоченная система связей между частями высказывания, однозначность выражения и т.д. (Розенталь 1998: 22). В научном тексте мысли логично следуют друг за другом и они строго аргументированы (Кожина 1983: 164). Письменный научный текст, написанный на русском языке, строго соблюдает известные структурные нормы, которыми являются, например, употребление сложных предложений, причастных и деепричастных оборотов (Vanhala-Aniszewski 1997: 72-73). В научном контексте слова могут получать до-

полнительные значения или совсем иное содержание, чем в контексте других стилей (Рейман 1978: 118-119).

Научному стилю весьма характерно стремление автора к абстрактности, к обобщенности и к сжатости. Абстрактность и обобщенность пронизывают весь научный текст при помощи лексических единиц и грамматических средств. Научный текст характеризуется безобразностью, объективностью изложения, сухостью и строгостью и своеобразной экспрессивностью. (Кожина 1983: 165.) Выражения экспрессивности и эмоциональности возможны и в научном тексте, но их уровень зависит от индивидуального стиля автора. В научном стиле эмоциональность выражается прежде всего в доказательности. (Кожина 1983: 172.)

При употреблении глагола для научного текста характерны ослабленные лексико-грамматические значения времени, лица и числа. Это явление оказывает влияние на синтаксис. В научном тексте широко используется глагол настоящего времени. В научном стиле, в отличие от других функциональных стилей, часто используются глагол *быть* в форме настоящего времени, а также глаголы *являться* и *определяться* (Рейман 1978: 119). Прошедшее и будущее время в контексте научного текста получают вневременное значение. Научному тексту более типичны формы несовершенного вида, чем совершенный вид глагола. (Кожина 1983: 168-169.)

Что касается интерперсональных отношений в русском научном стиле, автор вообще редко выражается прямо в контексте научного стиля. Далее, говоря о лице глаголов и личных местоимений можно отметить, что типичной чертой научного стиля является употребление форм 3-го лица и местоимений *он, она, оно*, а также 1-го лица множественного числа, т.е. *авторского мы*. В научном тексте личную конструкцию глагола можно заменить безличной или инфинивом. (Кожина 1983: 169–170.) Однако кажется, что употребление формы «я» стало распространенным в современных русских научных текстах.

В научном контексте часто используются существительные среднего рода, с помощью которых можно выражать отвлеченность и обобщенность научной речи (Кожина 1983: 171). Эти существительные с абстрактным значением являются терминами, которые, в частности, интернациональные (Розенталь 1998: 23). Часто терминами в научном тексте употребляются отглагольные существительные (Розенталь 1998: 343).

Вообще можно отметить, что в научном изложении глаголы употребляются меньше, чем существительные (Розенталь 1998: 25). Вместо глагола используется глагольно-именная конструкция. Из этого следует, что у научного стиля есть именной характер. Глагольно-именная конструкция состоит из однокоренного с глаголом существительного и другого глагола, который имеет ослабленное лексическое значение. (Кожина 1983: 174-175, Розенталь 1998: 25.)

Характерно и употребление кратких прилагательных, выражающих постоянное свойство предмета (Кожина 1983: 171), и прилагательных, которые выполняют терминологическую функцию и уточняют понятия (Розенталь 1998: 25).

В научном стиле обычно стремятся к подчеркнутой логичности и связности на синтаксическом и сверхфразовом уровнях. Поэтому употребляются типичные для научного стиля речи средства, например слова и их сочетания, которые указывают на связь между частями текста, конструкции и обороты связи, вводные слова, союзы и т.д. (Розенталь 1998: 26, Кожина 1983: 173.) Здесь речь идет и о коннекторах, которые, со своей стороны, составляют текстообразующий метатекст. Вообще можно сказать, что в русских научных текстах метатекстовые элементы используются чаще, чем в финских (Ванхала-Анишевски 2001: 42-43). Отношение между частями сложного предложения, уточняемое союзами и относительными словами, может являться, например, временным, условным и причинно-следственным (Розенталь 1998: 316).

На синтаксическом уровне научному стилю характерны длинные цепочки определений в родительном падеже. Далее, широко используются

разные типы сложных предложений, причастные и деепричастные обороты и страдательные построения. (Кожина 1983: 174.) В целом можно отметить, что синтаксические структуры в научном тексте сложнее и имеют больше лексического материала, чем в художественном тексте (Розенталь 1998: 26). Для русского научного текста типичным является то, что автор стремится к пробуждению интереса читателя с помощью вопросов (Кожина 1983: 175).

3.3 Сравнение финского и русского научных стилей

Нам представляется, что стремление к отвлеченности, объективности, обобщенности и однозначности является общей чертой финского и русского научного стиля. Существуют и другие сходства между этими двумя стилями, например, как в русском так и в финском языках для данного стиля характерны длинные предложения, глагольно-именные конструкции и цепи существительных. Кроме того, в обоих языках автор о себе говорит не прямо, правда, иногда однако с помощью разных средств. Следовательно, употребление пассива приемлемо в обоих научных стилях, и, кроме того, в русских научных текстах встречается авторское мы.

Имеются также некоторые различия между данными стилями. В русской научной речи могут употребляться выражения эмоциональности и экспрессивности в целях доказательности и убедительности. В финской научной речи обычно стремятся к смягчению при выражении, например, утверждений и результатов. Кроме того, сложные предложения русской научной речи часто включают в себе причастия и деепричастия. В финской научной речи, в свою очередь, предпочитают придаточные предложения с относительным местоимением *который*. Но конечно, полное избегание потребления причастий и деепричастий не является возможным.

По нашему мнению, важно отметить, что представления представителей русской и финской культуры разные относительно, например, связ-

ности текста и длины предложений. Как сказано выше, предложения в финских научных текстах являются длинными. Однако, по нашему опыту, сравнительно с русскими, они на самом деле довольно короткие. Кроме того, говоря о существительных, по нашему опыту, что в русском научном тексте цепи существительных длиннее финского. Далее, хотя и финский, и русский научные стили стремятся к связности и четкости, русские и финны понимают по-разному, что является связным и четким. Причина для этого состоит в том, что нормы письма у них разные. Например, русские читатели не обязательно считают финский текст связным, так как финны прибегают к метатекстовым элементам.

4 СКОПОС И ТЕМЫ АНАЛИЗА ПЕРЕВОДА

Так как мы выбрали скопос-теорию как основу для нашего перевода, нам следует определить, каким является его скопос. Вместе с редактором (заказчиком) мы сформировали самые существенные принципы, касающиеся целей перевода.

Во-первых, имея представление о будущих возможных адресатах перевода, мы можем определить скопос в общих чертах. Эти адресаты, в основном, специалисты по литературоведению, и полагаем, что им знакомы основы разных областей литературы, например истории литературы и поэтики, а также философии. Из этого следует, что основные термины для них знакомы и не требуют особого толкования.

Во-вторых, мы будем стремиться к тому, чтобы терминология соответствовала также терминологии ранее переведенной литературы той же области. Несмотря на то, что наша рабочая группа состоит из четырех переводчиков, готовый перевод должен быть единым целым, то есть, в частности, термины должны быть переведены одинаковым образом во всем тексте.

В-третьих, готовый текст должен соответствовать нормам финского научного стиля. Ведь между финским и русским научными стилями существуют культурно-специфические различия, которые будем рассматривать подробнее в следующей главе. Принимая во внимание нормы финской письменной научной речи, мы должны сделать перевод читабельным и связным для адресатов культуры перевода, то есть финской культуры. Однако, иногда нам было необходимо нарушить финские нормы, чтобы сохранить точное соответствие содержания и нюансы оригинального текста.

Как выше было упомянуто, функции оригинального текста и перевода часто отличаются друг от друга, и, таким образом, можно предположить, что наш скопос является иным, чем скопос автора оригинала. Очевидно, что автор оригинала стремился, прежде всего, критиковать формализм и дать информацию о нем и вообще о литературоведческих направлениях того времени. Мы же, в качестве переводчиков, будем стремиться к передаче информации оригинального текста.

Основываясь на этом скопосе, в следующих главах мы рассмотрим факторы, влияющие на его осуществление. На наш взгляд, уже в самом начале процесса перевода самыми существенными факторами в отношении нашего скопоса оказались средства выражения интерперсональных отношений, средства сцепления частей текста и принципы, связанные со структурой предложений. Выбор данных факторов для анализа основывается на том, что они наиболее явные относительно читабельности и связности перевода, которые и являются основными принципами, определяемыми нами в скопосе. Мы разделили эти факторы на два уровня: метатекстуальный и синтаксический уровни.

В рамках метатекстуального уровня представим понятие интерперсонального метатекста, к которому относятся субъективно-модальные отношения и межличностные отношения. В связи с этим, предметом анализа являются лишь последние. Этот уровень включает в себе также текстообразующие единицы, связывающие части текста. Здесь анализ сосредоточится на рассмотрении коннективов.

В пределах синтаксического уровня рассмотрим синтаксические явления, оказывающие влияние на читабельность текста. Также этот уровень анализа мы делим на две части. В первой части представлены и анализированы такие синтаксические факторы, как длина предложения и причастные и деепричастные обороты. Во второй части мы анализируем длинные номинализованные конструкции, к которым относятся свернутые и развернутые конструкции.

В начале глав, в которых рассматриваются метатекстуальный уровень и синтаксический уровень, находится краткое введение к данной теме. Мы рассмотрим каждую тему таким образом, что в начале мы дадим теоретическую основу анализа перевода, и потом мы применим теорию на практике, совершая сам анализ при помощи примеров, взятых и из оригинального текста и из перевода. В конце каждой темы мы также представим некоторые выводы.

5 МЕТАТЕКСТУАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

В научном письменном тексте автор стремится к логичному и связному выражению своих мыслей так, чтобы адресатам текста нетрудно было следить за ходом развития информации. Для этой цели используются различные языковые средства, которые можно делить на две категории. Первая категория состоит из средств, являющихся частью самого пропозиционального содержания текста, например, повторы и анафорические местоимения. Средства другой категории, в свою очередь, прямо не связаны с основным содержанием, а показывают логическую последовательность мыслей автора и также выражают отношения между частями текста. Совокупность, образуемая этими последними всевозможными сигналами, называется метатекстом. (Ванхала-Анишевски 2001: 39.)

При помощи метатекстовых элементов проясняются внутреннее расчленение и организация текста. В тексте эти элементы могут осуществляться, например, словами и целыми предложениями. (Enkvist 1975: 115.) Вообще можно отметить, что метатекст помогает адресатам в

процессе восприятия текста, так как при помощи метатекста автор строит отношение между самим собой и адресатом. Автор структурирует текст метатекстовыми элементами, Кроме того, эти элементы «также конкретно указывают, где есть переход от одной темы к другой или как автор сам относится к сказанному». (Ванхала-Анишевски 2001: 40.)

Согласно Хэллидею (Halliday 1973: 105-107) у языка есть три функции: текстовая, интерперсональная и семантическая. Ванде Коппле (Vande Kopple 1988: 243-244) считает, что метатекст (он употребляет термин *метадискурс*) может иметь как интерперсональную, так и текстовую функции. С интерперсональной функцией имеется в виду то, что автор представляет свои комментарии, свою оценку и свою позицию на содержание и адресатов текста. Текстовая функция является средством строить и связывать текст. (Halliday 1973: 106-107.)

В этой главе мы сосредоточимся на выше определенных функциях метатекста, называя их текстообразующей и интерперсональной функциями (см. Ванхала-Анишевски 2001: 41). В первой подглаве анализируем межличностные отношения, которые являются одной областью проявления интерперсональной функции. С их помощью выражается взаимовлияние между автором текста и адресатом. Во второй подглаве рассмотрим коннективы, которые, со своей стороны, участвуют в создании текстообразующего метатекста.

Мы выбрали именно эти темы для нашего анализа, потому что они являются существенными относительно скопоса нашего перевода. Коннективы как текстообразующие языковые единицы оказывают влияние на связность и логичность текста. Также межличностные отношения играют важную роль в создании читабельного текста, так как средства их выражения являются во многих случаях культурно-специфическими.

5.1 Интерперсональные черты научных текстов

Исследуя письменную научную речь, основное внимание можно обратить на то, какими являются формально подходящие средства выраже-

ния научных конструкций, строения научных текстов или аргументации. Но наряду с формалистическим подходом в академических исследованиях дискурса появился также функциональный подход, рассматривающий как устные, так и письменные тексты относительно употребления языка. (Vanhala-Aniszewski 1997: 71.) Понятие «дискурс», по Лингвистическому энциклопедическому словарю (1990: 136-137), определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. – факторами» (Ванхала-Анишевски 1996: 328). Одну важную часть употребления языка составляют интерперсональные отношения, то есть взаимодействие между участниками коммуникативного события (Vanhala-Aniszewski 1997: 71).

Как выше было сказано, согласно Хэллидею (Halliday 1973: 106-107), интерперсональная функция языка выражает отношения автора как к содержанию, так и к участникам коммуникативной ситуации. Несмотря на то, что задачей научных текстов является передать новую информацию для научного общества/людям, занимающимися научной работой, они не состоят только из голых фактов. У говорящих и пишущих в распоряжении большой выбор средств. Они могут, например, решить, будут ли они излагать свои мысли в уверенном или неуверенном тоне, и далее, будут ли они обращаться к адресатам отстраненным или персональным образом. Позиция автора и то, что он подчеркивает в своем сообщении, являются центральными факторами при толковании значения текста. Из этого следует, что интерперсональную часть текстов нельзя считать менее важной, чем так называемую пропозициональную часть, то есть фактическое содержание текста. (Luukka 1995: 97.)

Многие исследователи, например, Луукка (Luukka 1992a: 100) и Ванде Коппле (Vande Kopple 1988: 243) разделяют интерперсональную функцию на два аспекта – выражение субъективно-модального отношения автора к сообщаемому и обозначение межличностного взаимодействия автора и адресатов (см. также Ванхала-Анишевски 1996: 328). Луукка (Luukka 1995: 98) считает, что эти два аспекта тесно связаны с научными

ми идеалами общества. Согласно ей, на проявление интерперсональных черт в тексте, вообще говоря, большое влияние оказывают нормы коммуникативного общества и личность автора. Что касается нашего перевода и его анализа, важными становятся именно культурно-специфические нормы научного текста, так как мы будем сравнивать финский и русский научный стиль. Маркканен и Шредер (Markkanen & Schröder 1989: 173) отмечают, что культурные различия на письме могут породить проблемы при переводе.

5.1.1 Выражение субъективно-модального отношения автора в научных текстах

Центральное место среди средств выражения субъективно-модального отношения автора занимают средства выражения эпистемической модальности, связанные с правдивостью представления. При их помощи говорящий выражает свою уверенность или неуверенность по поводу сообщаемого. (Luukka 1992b: 364, Золотова и др. 1998: 424.) О неуверенности автора говорят такие модальные слова, как например, *может быть*, *вероятно* и *кажется*, а об уверенности, в свою очередь, например, *действительно*, *конечно* и *разумеется* (Золотова и др. 1998: 424-426). В финском языке, кроме модальных наречий (*ehkä* 'может быть') и модальных прилагательных (*on luultavaa* 'вероятно'), эпистемическая модальность выражается также формами наклонов глаголов (*lienee*, *jäänee*, *saattaa*) (Luukka 1992b: 364).

Во всяком случае, анализ средств эпистемической модальности не является единственным способом исследования степени уверенности. Неуверенность говорящего можно выразить также при помощи различных смягчений, которые не являются просто грамматическими средствами, а приносят с собой более широкий контекст научного общества. (Luukka 1995: 99.) Смягчение как явление тесно связано с понятием *хеджинг* (hedging), под которым подразумеваются те лексические элементы, употребление которых помогает автору сделать выражение бо-

лее приемлемым и мягким, то есть, «сохранить свое лицо» перед научным обществом (Luukka 1992b: 365, Markkanen & Schröder 1989: 172).

Маркканен и Шредер (1989: 172-173) выделяют три основные функции *хеджинга* в научных текстах: 1) модификация ответственности автора за правдивость предложения, 2) модификация несомненности или важности предложения, 3) модификация позиции автора на предложения и на содержание текста или даже скрытие этой позиции. Далее они отмечают, что при переводе *хеджинг* оказывается проблемой только тогда, когда переводчик понимает, что речь идет о нем. Дело прежде всего в том, что нормы выражения *хеджинга* являются различными в данных двух культурах.

5.1.2 Межличностное взаимодействие автора и адресатов в научных текстах

В научном тексте межличностное взаимодействие коммуникантов реализуется через средства, с помощью которых автор прямо или непрямо ссылается на самого себя, на адресатов, а также на коллег (Vanhala-Aniszewski 1997: 71). Выражение этих интерактивных черт в тексте зависит, в конечном счете, от стиля текста, от личности и манеры письма автора и от норм коммуникативного общества (Luukka 1994: 26).

Как мы заметили выше в третьей главе, как в русском, так и в финском языках автор часто выражается непрямо в письменной научной речи. Научному тексту обычно не свойственно выражение каких-либо личностных отношений. Во многих случаях не только сам автор, но и потенциальный читатель отстранен. (Ванхала-Анишевски 1996: 329.) Луукка (Luukka 1994:26) считает, что по сравнению с устными текстами, наличие адресата вообще является не таким явным в письменных текстах. Стремление к отстранению лица можно объяснить, в частности, стратегией вежливости: в ситуации научной коммуникации важно не «потерять лицо», то есть, уважения перед собственным кругом ученых-коллег, который является довольно «замкнутым». В ситуации, где воз-

можно негативная реакция адресата, автор прибегает к языковым способам, «позволяющим избежать прямого названия либо говорящего, либо адресата, либо обоих». (Ванхала-Анишевски 1996: 329.)

К «правилам игры» научного общества относятся также некоторая «скромность» пишущего, а также то, что вежливо и даже принято, с одной стороны, критиковать других ученых данной области, а, с другой стороны, цитировать их исследования. Знание исследований других авторов считается показателем академической компетентности и научности. (Ванхала-Анишевски 1996: 330, Luukka 1994: 39.) Ванхала-Анишевски (1996: 332) отмечает, что «ссылки на коллег, на источник высказывания типичны для научного текста, независимо от языка автора и этнокультуры представляемого им общества».

Следует подчеркнуть, что рассматривая письменную научную речь определенного пишущего и социокультурного общества, кроме универсальных научных «правил игры» во внимание обязательно следует принимать этнолингвистические, исторические, культурные и общественные факторы, действующие в данном обществе (Schroder 1992: 172). Однако, в конечном счете, важную роль в выражении межличностных отношений играют личность автора и его манеры письма. Степень присутствия автора в тексте и его обращенности к читателю может быть значительно различным у разных авторов даже в одном и том же этнокультурном обществе. (Ванхала-Анишевски 1996: 332-333.) Луукка (Luukka 1994: 27) пишет, что автор текста может обозначать себя эксплицитно, отстранять себя, обращаться эксплицитно к адресатам или призывать адресатов к совместной деятельности.

5.1.3 Средства выражения межличностных отношений в финском и русском языках

Как в русском, так и в финском языках межличностные отношения в научных текстах выражаются различными морфологическими, синтаксическими, лексическими и семантико-прагматическими способами. В рус-

ском языке авторское «я» можно выражать местоимениями *я* и *мы*, а также соответствующими глагольными формами без личного местоимения и, разнообразными безличными и пассивными конструкциями. (Ванхала-Анишевски 1996: 330.) В своем анализе Ванхала-Анишевски (1997: 78) доказывает, что в русском научном дискурсе автор редко выражается прямо с помощью местоимения *я*, а отстраняется с помощью местоимения *мы* или пассивных и безличных конструкций. Однако, в данном анализе также показывается, что эти выражения прямого «я» во всяком случае возможные, и, на наш взгляд, в современных русских научных статьях можно уже намного чаще сталкиваться с ними.

К адресату русский автор может обращаться при помощи местоимения *мы* и формы первого лица глагола, чтобы побуждать его к совместному действию. Возможны и прямые обращения, например, риторические вопросы и предложения с восклицательным знаком. Последние используются автором для выражения авторских эмоций или в целях воздействия на адресата. Ссылки на третье лицо, например в подстрочных ссылках или в конце текста, являются весьма типичными для русских научных текстов. (Ванхала-Анишевски 1996: 330-332.)

В финских письменных текстах, в свою очередь, авторскому «мы» предпочитают пассивные конструкции и выражения первого лица единственного числа, например, формы глагола без личного местоимения и притяжательные суффиксы. Между самим собой и адресатами финские пишущие могут устанавливать контакт при помощи, например, разнообразных прямых обращений и риторических вопросов. Луукка отмечает, что выражения с местоимением *мы* и прямые обращения к адресату более свойственны устным текстам, в которых также чаще встречаются прямые выражения авторского «я». В письменных финских научных текстах автор часто отстраняется и роль других научных ученых, то есть коллег, подчеркивается больше, чем, например, роль адресатов. (Luukka 1994: 26-37.)

В нашем анализе мы стремимся к обнаружению различных средств выражения межличностного взаимодействия автора и адресатов. Иными

словами, мы хотим узнать, как в переводимом нами тексте автор ссылается на самого себя, и, кроме того, каким образом он устанавливает контакт между самым собой и адресатом. Наряду с этими средствами, нас интересует, как передать их финскому читателю и финскому научному обществу. Ниже мы будем приводить примеры, как мы перевели на финский язык ссылки автора оригинала на различных лиц его текста.

Во-первых, мы будем анализировать ссылки автора на самого себя и их перевод на финский язык. Во-вторых, нас интересует характерное для русских авторов употребление коллективного «мы» и то, как передать эти выражения совместного «мы» финскому читателю. В-третьих, мы будем приводить примеры обращений автора к адресатам и анализировать перевод таких случаев.

5.1.3.1 Перевод выражений авторского «я»

Согласно Ванхала-Анишевски (Vanhala-Aniszewski 1997: 76), в русском научном дискурсе автор, ссылаясь на самого себя, вместо эксплицитного местоимения *я* чаще всего прибегает к непрямой форме выражения. Почти половина этих непрямых ссылок выражается при помощи первого лица множественного числа, то есть авторским «мы». В финском научном письменном дискурсе, в свою очередь, можно употреблять выражения первого лица единственного числа, но, в большинстве случаев, без фактического местоимения. Кроме того, для финских авторов очень характерно употребление пассивных конструкций, служащих средством отстранения пишущего. (Luukka 1992a: 167.)

Теперь представим примеры, каким способом можно передавать для финского научного общества выражения авторского «мы» автора оригинала.

- (1) А. Каждое литературное явление (как и всякое идеологическое явление) – повторяем это – определяется одновременно и извне и изнутри (Медведев 2003: 32).

Б. Toistettakoon [=toistan ('toistamme')], että jokainen kirjallinen ilmiö (kuten myös jokainen ideologinen ilmiö), määrittyy samanaikaisesti sekä sisältä että ulkoa käsin.

- (2) А. Мы несколько не возражаем против существенности и важности поставленных проф. Фриче проблем и задач самих по себе, но только это не задачи и не проблем социологической поэтики. (Медведев 2003: 38.)

Б. Tarkoituksena [=tarkoituksenani ('tarkoituksenamme')] ei ole lainkaan vastustaa professori Fritšen asettamien ongelmien ja tehtävien oleellisuutta ja tärkeyttä sinällään, mutta ne eivät vain ole sosiologisen poetiikan tehtäviä ja ongelmia.

Пример (1 А) является хорошим доказательством типичной для русских авторов манеры употребления авторского «мы». В переводе на финский язык (пример 1 Б) мы употребляли повелительное наклонение пассивного залога (*toistettakoon* 'пусть будет повторено'), хотя по нормам финского научного дискурса была бы вполне подходящей также активная конструкция 1-ого лица ед. числа (*toistan* 'повторяю'). Мы пришли к данному решению, так как, во первых, по нашему скопосу, нам нужно было создать в группе единый перевод, и таким образом, нам было необходимо принять решение о нескольких общих «правилах игры». Кроме того, нам представляется, что употребление пассива было также одним способом снижения уровня весьма критического и уверенного тона текста.

Во втором примере (2) ситуация похожая – в принципе мы могли бы перевести авторское «мы» конструкцией *tarkoituksenani ei ole* ('моим намерением не является'), которая включает в себе прятжательный суффикс *-ni*, обозначающий 1-ое лицо ед. числа. Однако, из-за перечисленных выше причин, мы пришли к более нейтральному решению и употребили безличную конструкцию *tarkoituksena ei ole* ('намерением не является').

Также в русском языке для обозначения авторского «я» совершенно допустимы безличные конструкции, из которых самыми общепринятыми в научном контексте являются такие модальные слова, как, например, *следует, надо, нужно, можно* (Vanhala-Aniszewski 1997, 77).

(3) А. Вряд ли нужно доказывать, что внутренние законы того или иного явления неяснимы без отнесения их к общесоциальной закономерности (Медведев 2003: 77).

Б. On tuskin tarpeen todistella, että tietyn ilmiön sisäisiä lakeja on mahdollonta saada selville ilman että ne suhteutetaan yleiseen sosiaaliseen lainalaisuuteen.

Как видно в примере (3), перевод выражений межличностных отношений с русского на финский язык не в каждом случае порождает проблемы. В обоих же языках в нормы научного дискурса входит некоторая «скромность» при изложении своих мыслей и выводов. Из этого следует, что безличные конструкции, имплицитно указывающие на пишущего, например, при помощи контекста, являются достаточно нейтральными для обозначения этой «скромности» (Vanhala-Aniszewski 1997: 77-78). Это же касается пассивных конструкций – в большинстве случаев их перевод с русского на финский язык не вызвал проблем. Лишь конструкции с субъективным дополнением, то есть агентом, вызывают потребность модификаций. С ними мы очень редко сталкивались при переводе.

В тексте Медведева мы нашли также некоторые не такие явные случаи, в отношении которых нелегко решить, указывает ли автор лишь на самого себя либо как на самого себя, так и на адресатов.

(4) А. Поэтому мы не можем согласиться с тем пониманием задач социологической поэтики, которое предложил В. М. Фриче в своей статье «Проблемы социологической поэтики» (Медведев 2003: 37).

Б. Tämän vuoksi ei voida yhtyä [=en voi yhtyä/=emme voi yhtyä?] siihen käsitykseen sosiologisen poetiikan tehtävistä, jonka V.M. Fritše esitti artikkelissaan *Problemy sotsiologitšeskoj poetiki* (Sosiologisen poetiikan ongelmia).

Здесь конструкцию с авторским «мы» (4 А) можно понять также как побуждение читателя к совместному действию с автором (см. 5.1.3.2.), так как с этой целью в русской письменной научной речи в многочисленных случаях употребляется 1-ое лицо мн. числа. Во всяком случае, финский перевод совершен пассивной конструкцией, оставляя открытым намерения автора оригинала.

5.1.3.2 Перевод выражений коллективного «мы»

В письменной научной речи автор может подчеркивать связь между самим собой и адресатами, то есть призывать их к совместной деятельности (Luukka 1994: 31, Ванхала-Анишевски 1996: 332). Чтобы подчеркивать эту связь, автор может, кроме призыва к совместной деятельности («мы как деятели»), также хотеть указывать, что какой-либо факт и т.п. является совместным знанием («мы как знатоки») (Luukka 1994: 31). Некоторые выражения с совместным, другими словами, коллективным «мы» ссылаются на человека вообще. В финском языке это выражается, например, при помощи безличностных конструкций ед. числа. (Kogonon & Kusch 1989: 63-64.) Вообще говоря, употребление коллективного «мы» не очень типично для финского письменного научного дискурса, между тем как в русском научном дискурсе нередко можно встретить данные выражения (Luukka 1994: 36, Ванхала-Анишевски 1996: 332).

В следующих двух примерах (5) и (6), мы можем обнаруживать упомянутые выше два типа подчеркивания связи между автором и адресатом, и рассмотрим их перевод на финский язык.

(5) А. Своеобразие ряда, точнее – среды, как мы видели, только и обосновывается взаимодействием этого ряда как в его целом, так и в лице каждого его элемента со всеми другими рядами в единстве социальной жизни (Медведев 2003: 32).

Б. Jatkumon tai paremminkin ympäristön omalaatuisuus, kuten aiemmin nähtiin [=kuten näimme], on perusteltavissa ainoastaan tämän jatkumon kokonaisuuden tai sen jokaisen elementin vuorovaikutuksella kaikkien muiden jatkumoiden kanssa sosiaalisen elämän yhtenäisyydessä.

(6) А. Мы уже знаем, что вне идеологических оценок, в отвлечении от них неосуществимы ни сюжет, ни тема, ни мотив (Медведев 2003: 27).

Б. [=Tiedämme jo, että] Ideologisten arvotusten ulkopuolella, niistä abstrahoituina juoni, teema tai motiivi ei voi toteutua.

Пример (5) свидетельствует о том, что автор хочет призывать адресатов к совместной деятельности с ним, то есть указывать, что «мы вместе действовали и видели». Так как для финского языка коллективное «мы» не характерно, мы передали данное выражение пассивной конст-

рукцией. В примере (6 А) автор ссылается на совместное знание самого себя и адресатов. Что касается финского перевода (6 Б), мы решили отбросить всю русскую конструкцию в начале предложения потому, что выражения межличностных отношения являются метатекстом, и, таким образом, не пропозициональным содержанием текста. Несмотря на то, что они играют, например, важную контактоустанавливающую роль между автором и адресатом, их отсутствие не мешает пониманию содержания текста.

В некоторых случаях (примеры 7 и 8) автор нашего оригинала ссылается на совместное знание именно русских.

(7) А. Одним словом, наш автор все время опирается на спецификационную, экспозиционную и аналитическую работу несоциологической поэтики, подыскивая для заимствованных у нее понятий вне-литературные соответствия и эквиваленты (Медведев 2003: 38).

Б. Sanalla sanoen Fritše [=meidän tekijämme] nojaa koko ajan ei-sosiologisen poetiikan erittelevään, esittelevään ja analyttiseen tutkimukseen etsien siltä lainatuille käsitteille vastaavuuksia ja vastineita kirjallisuuden ulkopuolelta.

(8) А. Та историческая ситуация, при которой возник и слагался наш формальный метод, была несколько иная, чем на Западе (Медведев 2003: 59).

Б. Historiallinen tilanne, jossa venäläinen formaali metodi [=meidän formaali metodimme] syntyi ja muotoutui, oli hieman erilainen kuin länessä.

Здесь автор при помощи притяжательного местоимения *наш* хочет передать представление о том, что информация о субъектах примеров является совместным знанием и опытом русских. При переводе на финский язык нам, конечно, было необходимо сделать некоторые изменения, чтобы перевод был более подходящим для финских читателей. В примере (7 Б) мы употребляли вместо выражения *наш автор* фамилию данного автора. В примере (8 Б), в свою очередь, мы заменили местоимение прилагательным *venäläinen* 'русский'.

Приведем еще один пример (9), в котором автор оригинала, нам кажется, ссылается на людей вообще, на наш общий образ действий.

(9) А. Какой бы сюжет или мотив мы ни взяли, мы всегда вскроем образующие его структуру чисто идеологические величины (Медведев 2003: 18).

Б. Onpa sitten kyseessä mikä tahansa juoni tai motiivi, paliastetaan aina sen rakenteen muodostavat puhtaasti ideologiset suureet.

В финском переводе (9 Б) мы, что касается придаточного предложения, употребляли вместо коллективного «мы» безличностную конструкцию ед. числа. Что касается главного предложения, подходящей конструкцией служил пассив. Следует подчеркнуть, что в данном контексте также слово *всегда* указывает, со своей стороны, на совместное знание всех людей.

5.1.3.3 Перевод обращений автора к адресатам

При сравнении с устными научными текстами, в письменной научной речи нечасто обращаются к адресату. Это может, согласно Ванхала-Анишевски (1996: 331), объясняться отсутствием конкретной ситуации общения: «адресат остается для автора текста неопределенным и многоликим». Ими могут быть, например, другие специалисты и коллеги, а также случайные читатели. Однако, как мы в главе 5.1.3 отметили, и в русских, и в финских научных текстах можно обнаруживать такие формы прямого обращения автора к адресату как, например, риторические вопросы. В русском языке эти обращения могут также осуществляться предложениями с восклицательным знаком.

В переведенной нами книге количество риторических вопросов оказалось довольно значительным. В данном анализе мы разделим их на две группы: 1) на вопросы, с помощью которых автор хочет воздействовать на читателя и вызывать у него мысли 2) на вопросы, которые действуют как мостик переходов к новой теме и тем самым как обращения автора к адресату. На последние автор чаще всего отвечает сам. В следующих примерах (10) и (11) мы рассмотрим перевод риторических вопросов первой группы.

(10) А. Почему, например, рассматривать разлучников как мотивировку торможения, а не наоборот – торможение как мотивировку для ввода

разлучников? Почему вообще не рассматривать прием как мотивировку для ввода все нового и нового и разнообразного материала? (Медведев 2003: 123-124.)

Б. Miksi tulisi tarkastella esimerkiksi riidankylväjiä hidastuksen motivointina eikä päinvastoin – hidastusta motivointina riidankylväjien tuomiselle kertomukseen? Miksei keinoa ylipäättänsä tarkastella motivointina kaikenlaisen uuden ja erilaisen materiaalin käyttönotolle?

(11) А. В самом деле, что оставалось бы от формализма, если бы идея, этическое событие, проблема и пр. стали бы конструктивными факторами литературного произведения? (Медведев 2003: 128).

Б. Mitä formalismista oikeastaan jäisi jäljelle, jos ideasta, eettisestä tapahtumasta, ongelmasta tms. tulisi kirjallisen teoksen konstruktivisia tekijöitä?

Согласно Луукка (Luukka 1994: 32), как в письменном, так и в устном научном дискурсе, самыми общими средствами подчеркивания интеллектуальной роли читателя являются риторические вопросы. В нашем переводе мы решили не изменять эти вопросы, например, на повествовательные предложения.

Большое количество риторических вопросов оригинала служило средством перехода от одной темы к другой. Луукка (Luukka 1992a: 76) считает, что риторические вопросы, как средство перехода к новой теме являются типичной чертой только устного научного дискурса. В следующем представлены как наше решение перевода таких случаев (пример 12 Б), так и альтернативный способ перевода (пример 12 В).

(12) А. Что же является в действительности тем элементом, который объединяет материальную наличность слова с его смыслом? Мы полагаем, что таким элементом является социальная оценка. (Медведев 2003: 130.)

Б. Mikä sitten todella on se elementti, joka yhdistää sanan materiaalsen läsnäolon ja sen tarkoituksen? Tässä oletetaan, että se on sosiaalinen arvottaminen.

В. Se todellinen elementti, joka yhdistää sanan materiaalsen läsnäolon ja tarkoituksen, on oletettavasti sosiaalinen arvottaminen.

Как видно, мы не сделали никаких изменений, что касается риторических вопросов данного типа. Это объясняется тем, что многие из будущих читателей перевода являются учеными и специалистами, не вла-

деющие русским языком. Таким образом, они могут цитировать мысли автора оригинала, не имея возможность сослаться на оригинальный текст. Однако, как было сказано выше, в примере (12 В) мы, во всяком случае, иллюстрируем альтернативный способ перевода.

На основании выше перечисленных фактов, мы оставим также предложения с восклицательным знаком (примеры 13 и 14) неизменными, несмотря на то, что в финском научном дискурсе они, наверное, являются слишком эмоциональными. Вообще говоря, мы уже в нашем скопосе отмечали, что иногда необходимо разрушать нормы финской письменной научной речи, чтобы сохранить точное содержание, сообщение и нюансы оригинального текста.

(13) А. В конце концов, мы оказываемся перед парадоксальным выводом: ощущается прием, единственное содержание которого – создать ощутимость! (Медведев 2003: 121).

Б. Loppujen lopuksi päädytään paradoksaaliseen päätelmään: aistittavaa on keino, jonka ainoana sisältönä on luoda aistittavuutta!

(14) А. Чтобы понять, насколько это отличие важно, достаточно вообразить себе, что западные формалисты – Гильдебранд, Вельфлин и др. – ориентировались бы непосредственно на конструктивизм и супрематизм! (Медведев 2003: 62).

Б. Jotta voisi ymmärtää, miten keskeinen tämä ero on, riittää, kun kuvittelee, että länsieurooppalaiset formalistit (Hildebrand, Velflin ym.) orientoituisivat suoraan konstruktivismiin ja suprematismiin!

5.1.3.4 Выводы на основании анализа перевода выражений межличностных отношений

В данном анализе мы сосредоточились на том, как переводить средства выражений межличностного взаимодействия автора и адресатов в русской научной письменной речи на финский язык. Говоря подробнее, этими средствами являлись, во-первых, ссылки автора оригинала на самого себя, во-вторых, употребление коллективного «мы», чтобы призывать читателя к совместной деятельности и, в-третьих, его обращения к адресатам.

Рассматривая ссылки автора оригинала на самого себя, мы, в основном, приводили примеры употребления авторского «мы», являющегося среди русских авторов популярным средством сослаться на себя. В финском научном дискурсе эти ссылки нередко осуществляются при помощи первого лица ед. числа и пассивных конструкций. Уже в начале переводческой практики мы договорились употреблять упомянутые последними средства, чтобы достигнуть поставленной в нашем скопосе цели единого и связного перевода. Пассивные и, например, безличные конструкции являются хорошим решением также потому, что всегда нелегко узнать, говорит ли автор о самом себе или коллективно как о самом себе, так и о адресатах.

Далее, при анализе оригинала оказалось, что автор может употреблять коллективное «мы» в целях подчеркивания совместной деятельности, а также совместного знания. Кроме того, выяснилось, что в некоторых случаях коллективное «мы» указывает на людей вообще или на людей народа, к которому также автор сам относится. Так как в финском письменном научном дискурсе не приняты выражения коллективного «мы», нам нужно было сделать изменения, чтобы они были более подходящими для финских читателей. Мы употребляли, в частности, пассивные и безличные конструкции, и даже отбросили выражения коллективного «мы». В некоторых случаях, нам было необходимо заменить данные выражения другими словами.

При обращении автора оригинала к адресатам, мы не сделали никаких изменений, хотя, например, риторические вопросы как средство перехода от одной темы к другой не свойственны финскому научному стилю. Это можно объяснить тем, что по нашему скопосу, нам иногда необходимо разрушать нормы финского научного дискурса, чтобы, например, для финских ученых, не владеющих русским языком, были переданы точное содержание и нюансы оригинального текста.

В целом можно отметить, что выражение межличностных отношений как в русском, так в финском языке зависит от многих факторов. Этими факторами являются, например, нормы общих научных «правил игры»,

нормы собственного академического общества, а также личность и манеры письма автора.

5.2 Коннективы - текстообразующие языковые единицы

Связность научного письменного текста можно создать разными способами, например, союзами, союзными словами, лексемами, синонимами и т.д. (Метс и др. 1981: 20). Коннективы являются одним способом создать текстообразующий метатекст, т.е. обеспечить логичность и последовательность текста. Этот факт является причиной того, что мы анализируем именно коннективы - они играют важную роль в создании связности и логичности в научном письменном тексте. Коннективы особенно важны с точки зрения нашего скопоса, исходя из принципов которого мы стремимся сделать перевод читабельным и связным для адресатов перевода, то есть для представителей финской культуры.

В этой главе мы сосредоточимся на рассмотрении коннективов, встречаемых в оригинальном тексте, а также на том, как их переводить на финский язык, чтобы передаваемые коннективами типы сцепления сохранялись в предложениях. Сначала представляем определения понятий коннектив и коннектор. Потом рассмотрим классификацию коннективов по Ванхала-Анишевски и приведем примеры того, как переведены на финский язык коннективы оригинального текста, выражающие разные типы сцепления. В конце главы мы сделаем некоторые выводы на основании анализа перевода.

5.2.1 Определение коннектора и коннектива

Для создания целостности и связности текста нужны разные механизмы сцепления для соединения и связывания текста. Эти механизмы сцепления показывают грамматическими и лексическими способами отношения между предложениями. Такие показатели сцепления называются коннекторами. (Vanhala-Aniszewski 1999: 375-376.) По мнению Й. Вуори-

ниями (Vuoriniemi 1976: 192) к коннекторам относятся три соединительных способа: фразовые коннективы, союзы и послеложные коннективы. Следовательно, под коннекторами обычно понимаются и союзы, и коннективы.

Коннективами, со своей стороны, считаются различные по структуре языковые элементы, которые являются текстовыми скрепами и соединяют части предложения и целые предложения в целостный текст. Задача коннективов в научном тексте создать когерентность и сцепление. (Vanhala-Aniszewski 1999: 374-379.) Согласно Й. Вуориниemi (Vuoriniemi 1976: 198), служебное слово, соединяющее предложения, которые следуют друг за другом, или их части, является коннективом. Однако, по другому определению, под коннективами понимаются коннективные служебные слова, наречия, послелог и предлоги (Hakulinen et al. 2004: 790). Здесь можно заметить, что группа коннективов открытая, т.е. она состоит из многих разных языковых элементов. Группа коннективов является открытой, так как под нее подходят все выражения, с помощью которых можно соединить предложения (Enkvist 1978: 90).

В финском языке имеется несколько определений коннективов. Согласно А. Хакулинен и Ф. Карлссону (Hakulinen & Karlsson 1995: 206), с помощью коннективов предложение соединяется с предыдущим текстом. Коннективы обычно находятся в самом начале предложения или сразу после первого конституента предложения. Как сказано выше, и коннективы, и союзы относятся к коннекторам, т.е. у них соединяющая функция в тексте: союзы соединяют предложения, а коннективы связывают части предложения, целые предложения и фразы. Итак, коннекты и союзы очень близкие родственники. Это видно и семантически - они нередко внешне напоминают друг друга (Vuoriniemi 1976: 196). Следовательно, отличать их друг от друга не всегда легко. Существенным различием между ними является то, что коннективы считаются обстоятельствами предложения, а союзы независимы от предложения. (Hakulinen & Karlsson 1995: 206.) Это значит, что их различия имеют синтаксический характер. Далее, группа союзов является более устойчивой и оп-

ределенной, чем группа коннективов (Hakulinen & Karlsson 1995: 334). Местоположение у коннективов в предложении не такое устойчивое, как у союзов, которые всегда находятся перед определенной присоединяемой частью (Hakulinen et al. 2004: 790).

Русские лингвисты по-разному классифицируют языковые элементы, которые выше определены как коннективы. В русской лингвистике эти элементы относятся или к частицам, модальным словам, вводным словам, или союзам. Например, по *Грамматике русского языка* А.В. Боброва (1999: 191) пишет, что функцией вводных слов является указывать на связь мыслей и обеспечивать последовательность изложения. На самом деле, в русской лингвистике не употребляется термин *коннектив*, но некоторые исследователи используют термин *коннектор*. (Vanhala-Aniszewski 1999: 376.) И.Н. Дымарская-Бабалаян (1988: 44-46) говорит о роли союзов в организации текста, что «...союз может служить в определенной степени и «коннектором» между простыми самостоятельными предложениями в связном тексте». И так, она считает, что союзы могут действовать на «стыке» отдельных предложений и коннектор является, прежде всего, союзом. Согласно Розенталю (1998: 26), не все вводные слова, т.е. слова, указывающие на последовательность изложения, только соотносят связываемые ими синтаксические единицы, но и выражают логическое отношение между предложениями, т.е. действуют как коннекторы. Такие элементы полностью не входят в одну морфологическую или синтаксическую группу, а остаются отдельными. (Дымарская-Бабалаян 1988: 69.) Дымарская-Бабалаян в своем произведении *О связности текста* (1988: 68-77) также перечисляет разные функции текстовых коннекторов, например, присоединение слов, пояснение элементов и т.д.

В связи с этим В.А. Белошапкова и М.А. Лозано (1996: 187) приводят в своей статье *Функционирование слов «так» и «например» в письменной научной речи*, каким образом В.В. Виноградов выделил некоторые грамматические разряды слов, промежуточных между союзами и модальными словами. Одну такую группу составляют слова, которые вы-

ражают уточнение и пояснение тех или иных членов предложения или целых предложений (*то есть, например* и т.д.). Эту группу можно считать одной группой коннективов, хотя название *коннектив* не употребляется.

Из всего сказанного следует, что при переводе коннективов с русского на финский язык необходимо помнить, что русские и финские традиции выражать связность научного текста с помощью коннективов во многом отличаются, так например, количество коннективов в русском и финском научных текстах разное. Так, Ванхала-Анишевски (2001: 41-42), сравнивая метатекстовые элементы в финском и русском научных текстах, отмечает, что в русской научной риторике чаще употребляются текстообразующие элементы, в группу которых входят и коннективы. Различны также способы определения и классификации коннективов и их задач. Итак, можно сделать вывод, что русский и финский традиции понимания элементов, которые соединяют предложения и их части, отличаются. В финской лингвистике более подробно определено, из каких элементов состоит группа коннективов и какие функции имеются у этой группы. В русской лингвистике отмечается, что существует неопределенная группа текстовых скреп, но под этими скрепами подразумеваются союзы, вводные слова и т.д., т.е. русские не подводят эти скрепы под одну группу – под группу коннективов.

5.2.2 Классификация коннективов

Хотя группа коннективов открытая, можно выделить несколько основных типов, сцепления по значению, выражаемых коннективами. Например, Хэллидей и Хасан (Halliday & Hasan: 1976: 323) выделяют четыре семантических отношения: присоединительное, противительное, временное и каузальное. Однако мы здесь употребляем классификацию М. Ванхала-Анишевски, которую она представляет в статье *Konnektiivit venäläisessä tieteen retoriikassa* (Vanhala-Aniszewski 1999: 377-379). Ниже мы приведем подробнее эту классификацию.

Ванхала-Анишевски делит выражаемые коннективами типы сцепления на семь семантических категорий: присоединительный, противительный, каузальный, временной, иллюстративный, обобщающе-резюмирующий и, наконец, пояснительный.

- Присоединительный, т.е. аддитивный, тип прибавляет, дополняет информацию (*кроме того, и, также*) и перечисляет факты, которые следуют друг за другом (*во-первых, во-вторых*).
- Противительный тип сцепления выражает контрастивную связь двух предложений или их частей (*однако, напротив, но*). Последующее предложение выражает новую точку зрения на то, что представлено в предыдущем предложении (Hakulinen et al. 2004: 1050). С помощью противительных коннективов автор текста может также выразить свое отношение к высказыванию.
- Каузальный тип показывает причинно-следственное отношение между предложениями (*поэтому*).
- С помощью обобщающе-резюмирующих типов коннективов можно выразить то, что содержание последующего предложения или его части является логичным следствием предыдущего (*следовательно, значит*).
- Временной тип сцепления показывает временное отношение между пропозициональными содержаниями предложений или его частей, отношения пропозициональных содержаний предложений или его частей к ситуации и к моменту разговора (*между тем, в то же время*).
- В пояснительном типе предложение объясняет точнее другое предложение одного и того же текста (*именно, то есть*).
- Иллюстративный тип приводит лишь примеры какого-то положения (*например, в том числе, так*).

Следовательно, коннективы можно классифицировать по значению. Кроме того, можно рассматривать коннективы с точки зрения, как их

употребляют в тексте. Согласно Хэллидею и Хасану (Halliday & Hasan: 1976: 241), коннектив может иметь экстернальную или интернальную функцию. Экстернальная функция означает, что коннектив выражает связанное с темой отношение между пропозициями. Эта функция обязательна для связности текста. В интернальной функции, со своей стороны, коннективы выражают связанные с текстовой стратегией и процессом коммуникации отношения, в основном, согласно желаниям автора текста, например, в каком порядке автор хочет представить части текста. Многие коннективы употребляются и в экстернальной, и в интернальной функциях (Vanhala-Aniszewski 1999: 378-379.)

5.2.3 Анализ трех типов сцепления

При переводе текста нужно поддержать и связность и логичность текста, чтобы адресаты перевода могли понять и следить за смыслом и содержанием текста. Именно коннективы выражают отношение между предложениями и их частями. И таким образом, они, со своей стороны, создают текстообразующий метатекст. Следовательно, важно обратить внимание на положение коннективов между предложениями и на то, как их переводить с русского на финский язык, чтобы передаваемые ими типы сцепления сохранялись. В некоторых местах текста было трудно опознать тип коннектива и понять передаваемую им связь между предложениями.

Рассмотрим подробнее три категории сцепления: присоединительную, противительную, иллюстративную. Согласно Ванхала-Анишевски (Vanhala-Aniszewski 1999: 380), принимая во внимание цель и функции научного текста, основными семантическими отношениями, выражаемыми коннективами в научных текстах, являются именно присоединительные, противительные и иллюстративные связи. В научном тексте автор стремится давать новую информацию и прибавлять ее к старой информации. Это достигается с помощью присоединительных коннективов. Или же автор высказывает свое критическое мнение и показывает с помощью противительных коннективов, что старая информация не соответ-

ствует действительности. Иллюстративными же коннективами автор может привести примеры, которые наглядно отражают представленные автором утверждения.

Ниже мы анализируем три разных типа сцепления, выражаемых коннективами. Во-первых, приведем примеры присоединительного типа сцепления, во-вторых, противительного типа, и в-третьих, иллюстративного типа. В каждой части будут приведены примеры предложений оригинального текста, которые присоединены с помощью определенного коннектива, и показано, как мы перевели эти предложения, сохраняя определенный тип сцепления.

5.2.3.1 Присоединительный тип сцепления

Присоединительный тип сцепления прибавляет, кумулирует и дополняет информацию, например, с помощью коннективов *кроме того, и, также, более того, при этом*. Далее, коннективы этого типа перечисляют факты, которые логично следуют друг за другом, в частности, *во-первых, во-вторых*. Присоединительная связь состоит в том, что у связываемых предложений есть что-то общего и что они в одинаковой мере фактичны и действительны (Hakulinen et al. 2004: 1040). В некоторых случаях этот тип сцепления получает каузальные оттенки значения или у него есть нечто общее с временным типом сцепления, например, при употреблении коннективов *вначале, потом, наконец*. В финском языке присоединительные коннективы могут располагаться довольно свободно в предложении (Hakulinen et al. 2004: 1045).

В нашем нижеприведенном примере (15) употребляется присоединительный коннектив *и* для соединения частей предложения. Следует отметить, что коннектив *и* является многозначным и многофункциональным в русском языке (см. Vanhala-Aniszewski 1999: 380–383). Этот коннектив усиливает лишь слова, которые следуют за ними. В этом случае данный тип сцепления также приполняет новую черту к содержанию предложения. В финском варианте предложения у коннектива *tuõs* есть

такое же значение, как у коннектива *и* – он прибавляет новый факт к содержанию.

(15) А. Русский формализм – не только единая система взглядов, но и особая манера мыслить, даже особый стиль научного (Медведев 2003: 80).

Б. Venäläinen formalismi ei ole vain yhtenäinen näkökantojen järjestelmä, vaan myös erityinen tapa ajatella ja jopa tieteellisen esittämisen tyyli.

В примере (16) со стороны коннектива *и* находится на границе двух предложений. Таким образом, он присоединяет последующее предложение к пропозиции предыдущего предложения. Здесь коннектив *и* переведен на финский с энклитической частицей *–kin*, которая может прояснить перечисляющее отношение, выражая тот факт, что нечто соответствующее уже было выше в тексте (Hakulinen et al. 2004: 1045). Итак, коннектив показывает, что в последующем предложении касаются такого же явления, как и в предыдущем. Здесь коннектив *и* представляет присоединительный тип сцепления также в том смысле, что последующее предложение пополяет информацию.

(16) А. Далее, доказывая возможность наслаждения звуками языка вообще, формалисты подчеркивают, что это наслаждение идет в ущерб смыслу, или вовсе его аннулирует («заумное слово») или, во всяком случае, его ослабляет, оттесняя на задний план. И здесь руководящим является противопоставление практического и поэтического языков, хотя доказывается «заумь», главным образом, на жизненных высказываниях. (Медведев 2003:107.)

Б. Todistellessaan edelleen kielen äänteiden voivan tuottaa nautintoa formalistit tähdentävät, että nautinto vahingoittaa tarkoitusta joko täysin mitätöiden sen ("mielentakainen sana") tai joka tapauksessa heikentäen sitä siirtämällä sen taka-alalle. Tässäkin johtavana ajatuksena on käytännöllisen ja poeettisen kielen vastakkainasettelu, vaikka "mielentakaisuutta" todistellaan pääosin jokapäiväisten lausumien kautta.

В случае (17) присоединительная связь предложений выражается коннективом *более того*. Этот коннектив употребляется для дополнения информации. Особенно финское слово *lisäksi*, с помощью которого переведен упомянутый коннектив, четко указывает на прибавление информации. Следовательно, это слово является показателем присоединительного типа сцепления (Hakulinen et al. 2004: 1044). Согласно Ды-

марской-Бабалян (1988: 73) употребление текстовых коннекторов со значением субъективной модальности, к которым можно отнести и коннектив *более того*, передает субъективную манеру автора присоединить одну мысль к другой.

(17) А. Ни о каком жизненно-практическом языке как об особой языковой системе говорить не приходится. Более того, если можно и должно было говорить о функциях языка в поэтической конструкции, то аналогичная задача в применении к жизненно-практической конструкции чрезвычайно осложняется. (Медведев 2003: 100-101.)

Б. Jokapäiväisestä käytännön kielestä ei voida puhua tietyssä kielijärjestelmänä. Lisäksi jos voidaan tai täytyy puhua kielen funktioista poeettisessa konstruktiossa, niin vastaava tehtävä jokapäiväisen käytännön rakenteen osalta vaikeutuu äärettömästi.

В предложении примера (18) используется присоединительный коннектив *наконец*, имеющий временной оттенок. Этот коннектив участвует в образовании временного континуума (Дымарская-Бабалян 1988: 72). Кроме этого, этот коннектив имеет задачу перечислять факторы и прибавлять информацию к предыдущему. В связи с этим, этот коннектив показывает, что после него выражается самый последний момент предложения. Этот коннектив переведен на финский коннективом *lopuksi*, который также рассказывает о последнем дополнении в предложении.

(18) А. Итак, прежде всего, необходим критический анализ самого выделения формалистами предмета изучения, приемов этого выделения и, наконец, приемов более точного определения ими специфических черт выделенного предмета. (Медведев 2003: 83.)

Б. Näin ollen on ennen kaikkea analysoitava kriittisesti formalistien tekemää tutkimuskohteen erottamista, tämän erottamisen keinoja sekä lopuksi niitä keinoja, joita he ovat käyttäneet erotetun tutkimuskohteen erityispiirteiden tarkemmassa määrittelemisessä.

5.2.3.2 Противительный тип сцепления

В противительном отношении контрастируют два энтитета относительно своих особенностей или особенности одного энтитета, например, в разные времена (Накулинен et al. 2004: 1049). В таких случаях в последующем предложении или в его части представляется противоположное и новое мнение предыдущему. Противительные коннективы выражают

отношения автора текста к определенному делу. В основном автор высказывает с помощью этих коннективов свое критическое мнение. Связи с этим, в переведенном нами тексте существует много именно противительных коннективов, так как существом текста является критическое введение в социологическую поэтику. Согласно Энkvисту (Enkvist 1978: 101), противительный тип сцепления является также присоединительным в такой степени, что он не может соединить противоречивые утверждения, например, нельзя сказать, что книга является красной, но черной.

В следующем, 19-ом, примере коннектив *но* связывает два предложения. В русском языке *но* считается противительным союзом (Боброва 1999: 110). Однако нам кажется, что в этом примере *но* является противительным коннективом, связывающим два предложения. Последующее предложение представляет противоположную точку зрения на предыдущее предложение. В финском языке противительную связь можно выражать и при помощи союза *mutta*, и при помощи коннектива *kuitenkin*. Так как в этом случае противительная связь находится между двумя целыми предложениями, эта связь выражается коннективом. В переводе примера употребляется коннектив *kuitenkaan* вместо коннектива *kuitenkin*, потому что последующее предложение, в котором коннектив находится, является отрицательным. Коннектив *kuitenkin* можно употреблять только тогда, когда в предложении не существует выражения отрицания. Финский коннектив мог бы находиться и после глагола в предложении.

(19) А. Эта регистрация случайных отличий поэтического языка от жизненно-практического базируется на молчаливой предпосылке, что именно эти отличия существенны. Но подобная предпосылка менее всего может быть признана очевидной. (Медведев 2003: 94.)

Б. Poeettisen kielen ja jokapäiväisen käytännön kielen välisten satunnaisten erojen rekisteröinti pohjautuu siihen julkilausumattomaan ennakko-oletukseen, että juuri nämä erot ovat oleellisia. Kuitenkaan tämänkaltaista oletusta ei voida vähimmässä määrinkään pitää itsestään selvänä.

В примере (20) употребляется и коннектив *но*. Так как этот коннектив находится на границе двух предложений, речь идет о противительном типе сцепления между этими предложениями. Последующее предложение выражает противоположное мнение в русском варианте коннективом *но*, и в финском коннективом *kuitenkin*. Как в этом примере видно, коннектив находится обычно сразу после глагола в финском языке. В этом примере автор высказывает свое мнение еще сильнее, чем в пятом примере.

(20) А. Нам понятен апофатический метод в богословии: бог не познаваем, и его приходится характеризовать через то, что он не есть. Но почему нельзя дать положительной характеристики поэтического языка – нам непонятно. (Медведев 2003: 95.)

Б. Apofaattisen metodin käyttö teologiassa on ymmärrettävää: Jumalaa ei voida tiedostaa, ja häntä on luonnehdittava sen kautta mitä hän ei ole. On kuitenkin käsittämätöntä, miksi poeettista kieltä ei voida luonnehtia positiivisesti.

В примере (21) употребляется коннектив *наоборот*, ясно выражающий, что связываемые им предложения противостоят друг другу, т.е. он представляет противительный тип сцепления. Финским соответствующим коннективом является коннектив *päinvastoin*, который резко противопоставляет предложения. Здесь он находится в самом начале предложения, но его расположение может быть и после личного глагола (Hakulinen et al. 2004: 1053).

(21) А. Та ревизия, которая намечается в словах Эйхенбаума, нигде им не осуществляется на самом деле. Наоборот, он упорно продолжает защищать старые позиции в их полном объеме, хотя настоящей почвы под ними, по-видимому, уже сам не чувствует. (Медведев 2003: 106.)

Б. Eichenbaum ei toteuta missään mainitsemaansa revisiota käytännössä. Päinvastoin hän jatkaa itsepäisesti vanhojen näkemysten puolustamista niiden koko laajuudessaan, vaikka hän näköjään itsekin tuntee, että niiltä on pudonnut todellinen pohja pois.

В примере (22) видно, что коннектив *однако* не так сильно противопоставляет предложения, как коннектив *наоборот*. На самом деле, этот коннектив можно сравнивать с коннективом *но*, так как их можно перевести одним же финским коннективом *kuitenkin*, когда *но* и *однако* явля-

ются противительными коннективами, т.е. они соединяют два противоположных предложения. В этом противительном отношении представляется противопоставление двух предложений с помощью коннектива.

(22) А. В нем, прежде всего, поражает чисто психологистическая установка автора – «стихотворно-языковое мышление», «эмоциональное отношение» и т.д. Однако, от этого можно отвлечься: психологизм в этой плоскости формалисты в последующих своих работах почти полностью преодолели. (Медведев 2003: 109.)

Б. Johtopäätöksessä hämmästyttää ennen kaikkea Jakubinskin puhtaasti psykologinen asennoituminen – ”runollinen kielellinen ajattelu”, ”emotionaalinen suhde” jne. Siitä voidaan kuitenkin irrottautua: myöhemmissä töissään formalistit ovat melkein täysin päässeet irti psykologismista tällä tasolla.

5.2.3.3 Иллюстративный тип сцепления

В научном тексте автор конкретизирует и доказывает свои утверждения правильными и действующими с помощью примеров. В письменном тексте при приведении примеров употребляются иллюстративные коннективы. Иллюстративные коннективы не специфицируют все определенное событие текста, а только приводят его пример. Самыми распространенными иллюстративными коннективами можно считать коннективы *например, так, особенно, в том числе*. Согласно Белошапковой и Лозано (1996: 187), слова *например* и *так* играют роль пояснительных межфразовых скреп.

В примере (23) коннективом *например* уточняют сообщение текста. С его помощью приводится конкретный пример, чтобы адресатам текста легче было понять содержание предложения. Употребление этого коннектива значит, что вводимая часть текста является дополнительной, второстепенной по отношению предыдущей части (Белошапкова & Лозано 1996: 192). В этом случае соответствующим финским коннективом является *esimerkiksi*.

(23) А. Это становится особенно ясным, когда литературным языком какого-либо народа является какой-нибудь чужой язык, например латынь в средневековой Европе (Медведев 2003: 86).

Б. Tämä tulee erityisen selvästi esille, kun jonkun kansan kirjakielenä on jokin vieras kieli, esimerkiksi latina keskiaikaisessa Euroopassa.

В примере (24) два предложения соединяются иллюстративным коннективом *так*. Коннектив *так* находится в самом начале предложения. В связи с этим Белошапкина и Лозано (1996: 188) отмечают, что пояснительное *так* выступает в абсолютном начале непарцеллированного высказывания. Указателем того, что последующее предложение иллюстрирует предыдущее предложение, является коннектив *так*, который в этом случае переведен словом *esimerkiksi*. Здесь возможны и другие альтернативы перевода коннектива *так*, например *näin ollen*. Сравнивая коннектив *так* с коннективом *например* можно отметить, что слово *так* имеет гораздо более обобщенное значение (см. Белошапкина и Лозано 1996: 189). В этом примере самое важное показать, что между предложениями имеется сцепление иллюстративного типа.

(24) А. Каков будет этот след, т.е. в каких лингвистических особенностях языка он проявится, будет зависеть от характера господствовавшего поэтического направления. Так, при языковом консерватизме господствующей художественной школы литературный язык может в некоторых отношениях отстать в своем развитии, словарь «литературного языка» будет расти в каком-нибудь определенном направлении, возможны некоторые изменения и его фонетического состава и пр. (Медведев 2003: 89.)

Б. Minkäläiseksi tämä jälki muodostuu, toisin sanoen missä kielen lingvistikissä ominaisuuksissa se ilmenee, riippuu hallitsevan poeettisen suuntauksen luonteesta. Esimerkiksi, jos hallitseva taiteellinen koulu-kunta edustaa kielellistä konservatismia, kirjakieli voi jossain suhteessa jäädä jälkeen kehityksessä, "kirjakielen" sanavarasto kasvaa tiettyyn suuntaan sekä myös sen foneettisessa rakenteessa voi tapahtua joitain muutoksia jne.

В примере (25) иллюстративный коннектив расположен в конце предложения в скобках. С его помощью приводится пример, которым объясняется сообщение предложения. Коннектив *особенно* имеет задачу выделять и подчеркивать какой-нибудь частный случай, выделяемый из другой цепи явлений (Дымарская-Бабалян 1988: 74). Соответствующим финским коннективом является слово *erityisesti*, которое имеет такое же иллюстративное значение, как коннектив *особенно*.

(25) А. Для поэтического языка характерна лишь особая установка на отдельные элементы речи и их специфическое использование (особенно в языке стихотворном) (Медведев 2003:106).

Б. Poeettiselle kielelle on luonteenomaista ainoastaan tietynlainen orientaatio kielen yksittäisiin elementteihin ja niiden spesifiin käyttöön (erityisesti runokielessä).

5.2.3.4 Выводы на основе анализа употребления коннективов

Коннективы являются важным языковым средством для создания эксплицитности в тексте и в сцеплениях между пропозициями (Vanhalan-Aniszewski 1999: 383). Выше представлено три разных типа сцепления, которые выражаются при помощи коннективов. Приведенными нами примерами мы стремимся показать, что коннективы играют важную роль в текстообразующем метатексте и они передают важную информацию о структуре и связности текста, и также об отношении автора к делу. Итак, при переводе нужно обращать внимание на типы сцепления, выражаемые коннективами, и передавать их в переводе, то есть, речь идет о сохранении в переводе тех связей, которые обеспечивают восприятие текста как единого целого.

На основе анализа трех типов сцепления можно сделать некоторые выводы. Во-первых, один и тот же русский коннектив возможно переводить на финский язык разными способами, однако сохраняя определенный тип сцепления, выражаемый коннективом, например многозначный коннектив *и* можно переводить на финский коннективами *myös*, *lisäksi*, *ja* и т.д (примеры 5 и 6). Правильная альтернатива перевода зависит от контекста проявления коннектива. Во-вторых, разные русские коннективы, создающие сцепления одного и того же типа, можно переводить одним финским коннективом, например противительные коннективы *но* и *однако* можно перевести коннективом *kuitenkin* (примеры 20 и 22), иллюстративные коннективы *так* и *например* можно перевести коннективом *esimerkiksi* (примеры 23 и 24). В-третьих, многие коннективы имеют несколько разных значений в зависимости от контекста проявления коннектива, например коннектив *и* можно употреблять для соединения двух

целых предложений или усиления лишь одного слова (примеры 15 и 16). Кроме этого коннектив, создающий определенный тип сцепления, может иметь какой-либо оттенок другого типа сцепления, в частности у присоединительного коннектива *наконец* есть временной оттенок (пример 18).

Автор текста может также выражать свои собственные мнения и предпочтения при помощи коннективов. Различие между коннективами, выражающими один и тот же тип сцепления, может основываться на том, что с помощью другого из них автор сильнее подчеркивает свое мнение, например противительный коннектив *напротив* имеет более сильное значение, чем коннектив *однако* (примеры 21 и 22). Итак, также в переводе нужно обращать внимание на «слабость» и «силу» значения коннектива, передавая их также адресатам перевода. Место коннектива может меняться в предложении при переводе. В русском языке коннектив часто находится в самом начале предложения, а в финском языке коннектив может находиться и в самом начале предложения или после личного глагола.

Соответственно нашему скопосу перевода мы стремимся сделать перевод читабельным, связным и логичным адресатам. В связи с этим, мы обращаем особое внимание на коннективы, связывающие предложения и их части. Говоря о коннективах, наша цель состоит в том, что опознавая правильный тип сцепления, мы смогли бы создать читабельный и связный перевод.

6 СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

В этой главе нашей дипломной работы рассматривается синтаксическая специфика научной речи, как русской так и финской, на практике, т.е. анализируется синтаксический уровень переведенного нами текста. В третьей главе данной работы была уже представлена общая характеристика научного стиля в русском и финском контексте, включая также синтаксис. Учитывая ограниченный объем этого анализа, невозможно затронуть подробно все отдельные явления синтаксиса, являющиеся, тем не менее, существенными элементами научного стиля. Таким образом, здесь рассматриваются, прежде всего, те явления синтаксиса, которые имеют особо важное значение с точки зрения осуществления скопоса, т.е. поставленных нами целей перевода.

Скопос нашего перевода, описанный в четвертой главе, является решающим принципом также на синтаксическом уровне. Одна из наших целей – соответствие перевода нормам и узусу финского научного стиля – касается всех уровней перевода. Вторая цель, вытекающая из предыдущей, однако более подчеркивающая ситуацию восприятия перево-

да, – стремление к связности и понятности, т.е. читабельности текста, создает хорошую основу для решения синтаксических проблем научной речи.

Читабельность перевода изучалась разными методами, в том числе измерением рецепторской реакции и понимания текста при восприятии перевода или нескольких вариантов перевода (Vehmas-Lehto 1989: 125). Информацию о потенциальных причинах слабой читабельности перевода подтверждают, однако, также исследования оригинальных текстов (Vehmas-Lehto 1989: 130). Приведем здесь составленный Вехмас-Лехто (1989: 132) список факторов синтаксиса, которые, по мнению специалистов финского языка, часто оказывают отрицательное влияние на понимание финской письменной речи.

- 1) Длинные предложения
- 2) Обособленные обороты
- 3) Вставные структуры т.е. предложения, находящиеся внутри другого предложения
- 4) Длинные именные конструкции
- 5) Конструкции с утяжеленным началом, прежде всего за счет причастных определений и цепей атрибутов, находящихся перед главным словом

Опыт проведения практической части нашей работы, т.е. перевода, подтверждает значительную роль перечисленных выше факторов – мы неоднократно встречались с проблематикой понятности, связанной с этими элементами синтаксиса. Следует отметить, что хотя доминирующим принципом перевода у нас является адекватное с точки зрения ситуации адресатов оформление текста на финском языке, исходным пунктом этой работы является, однако, оригинальный текст на русском языке со своими стилистическими, в том числе синтаксическими признаками. Таким образом, можно было обнаружить, что определенные синтаксические конструкции исходного текста часто и легко приводят к про-

блематичным с точки зрения читабельности конструкциям в переводе, поскольку конструкции, кажущиеся грамматически «соответствующими», часто ухудшают читабельность перевода. Учитывая скопос нашей работы, нам приходилось обращать особое внимание на такие конструкции. Далее, мы перейдем к рассмотрению некоторых из указанных средств синтаксиса, являющихся, по нашему опыту, в этом плане проблематичными: длина предложения, причастные и деепричастные обороты, а также длинные именные конструкции. Исходя из данных положений будем анализировать конкретные решения переводческих проблем.

6.1 Длина предложения

Как было отмечено выше, длинные предложения и фразы являются с точки зрения финских рецепторов одним из факторов снижения понятности текста. Это связано с тем, что в так называемой кратковременной памяти человека вмещается одновременно, как максимум, примерно десять слов, которые должны составлять единое целое, чтобы перенестись в длительную память (Huovinen-Nyberg & Koivusalo 1980: 36). В связи с этим, нужно, однако, отметить, что длинные предложения не являются абсолютными, универсальными признаками проблем с пониманием текста – читабельность и длину предложения могут сопоставляться лишь в рамках одного языка (Vehmas-Lehto 1989: 138).

В своем исследовании Вехмас-Лехто сравнивает среднюю длину фраз и предложений в русских и финских публицистических текстах. Хотя в нашей работе объектом интереса являются тексты другого функционального стиля, мы полагаем, что результаты показательны и в отношении научной речи. Итак, длина русского предложения в материале Вехмас-Лехто в среднем 19,7 слов, тогда как предложение аутентичного финского текста, в том же материале состоит в среднем из 13,5 слов. (Vehmas-Lehto 1989: 136.)

Способом улучшения читабельности нашего перевода являлось разделение длинных предложений на части. Теперь рассмотрим некоторые примеры осуществления этого способа.

- (1) А. Гоголевская повесть, по Эйхенбауму, является гротеском, в котором мимика смеха сменяется мимикой скорби, причем и то и другое является лишь игрою с условным чередованием языковых жестов и интонаций (Медведев 2003: 120).

Б. Eichenbaumin mukaan gogolilainen kerronta on groteskia, jossa naurun mimiikka vaihtelee murheen eleiden kanssa. Nämä molemmat ovat sitä paitsi vain leikkittelyä kielellisten eleiden ja intonaation sopimuksenvaraisella vuorottelulla.

- (2) А. Как ни нелепо это *perpetuum mobile*, состоящее из двух направлений, формалисты упорно стремятся проводить его по возможности в чистом виде, очень неохотно допуская появление новых форм, хотя обойтись без этого они, конечно, не могут, особенно потому, что и комбинировать-то приходится не два, а несколько направлений (Медведев 2003: 176).

Б. Olipa tämä kahden suuntauksen *perpetuum mobile* miten järjetön tahansa, formalistit pyrkivät säilyttämään sen mahdollisimman puhtaassa muodossa vastustaen uusien muotojen syntymistä. Kuitenkaan he eivät tietenkään selviä ilman sitä ennen muuta siksi, että yhdistelemiseen tarvitaan enemmän kuin kaksi suuntausta.

В данных примерах исходные предложения являются сложными – первое предложение состоит из двух сложносочиненных предложений и одного придаточного предложения с относительным местоимением. Второе предложение содержит кроме подчиненных предложений еще и причастный и деепричастный обороты. В данных примерах решение разделить предложения основывается на стремлении не помещать слишком много информации в одном предложении. Информация будет яснее организована, с точки зрения финского рецептора, в более коротких единицах, т.е. в отдельных предложениях. В первом примере синтаксическая структура, в основном, сохранилась, несмотря на разделение предложения. При делении предложения на части важно учитывать связность изложения. В первом примере употреблены соответствующие оригинальному тексту элементы связности, коннектор *sitä paitsi* и местоимения *nämä molemmat*.

Во втором примере предложение разделено на две части, и кроме того, разными способами оформлено в более сжатое целое. Сжатости способствует замена причастного оборота (*состоящее из двух направлений*) генитивным атрибутом (*kahden suuntauksen...*), также как смысловая трансформация деепричастного оборота *очень неохотно допуская* на более простой модальный обособленный оборот *vastustaen* (вместо *erittäin vastahakoisesti sallien*). Связность в переводе обеспечивает наречное служебное слово *kuitenkaan*, передающее подобное союзу хотя значение в исходном предложении.

Хотя длинные предложения являются потенциалным фактором снижения читабельности финского текста, это отношение нельзя принять как абсолютный принцип в переводе. Ведь с другой стороны, по некоторым исследованиям, распространение слишком коротких предложений может также иметь отрицательное влияние на читабельность текста (Vehmas-Lehto 1989: 135). Это отчасти связано с тем, что множество повторяющихся простых предложений вызывает монотонизацию ритма текста, и таким образом уменьшает интересность текста в глазах читателей (Vehmas-Lehto 1989: 148).

Таким образом, в некоторых случаях способом улучшения читабельности перевода может служить и соединение предложений. Иллюстрируем этот способ конкретным примером:

(3) А. Это вполне понятно. Какой бы то ни было психофизиологический закон не может быть положен в основу исторических объяснений и истолкований. (Медведев 2003: 175.)

Б. Se on täysin ymmärrettävää, sillä minkäänlainen psyko-fysiologinen laki ei voi olla historiallisten selitysten tai tulkintojen pohjana.

В данном примере два предложения соединены с помощью сочинительного союза *sillä*, имеющего функцию пояснения. Здесь соединение может быть обосновано кроме краткости первого предложения тем, что второе предложение является объяснением первого, и таким способом они образуют логическое целое.

6.2 Причастные и деепричастные обороты

Как было отмечено выше, употребление причастных и деепричастных оборотов является типичным для книжных стилей, в том числе для научного стиля как на русском, так и на финском языке. Далее, мы кратко рассмотрим, во-первых, функции этих оборотов в русском и финском научных текстах и, во-вторых, с помощью примеров будем анализировать эти конструкции в рамках нашего перевода, прежде всего, с точки зрения их влияния на читабельность перевода.

6.2.1 Причастные и деепричастные обороты в русской научной речи

В русской научной речи встречаются все формы причастий: действительные причастия настоящего и прошедшего времени; страдательные причастия настоящего и прошедшего времени; краткие формы причастий. Синонимичной конструкцией причастному обороту является придаточная часть сложноподчиненного предложения – это значит, что они взаимозаменяемы. Можно перечислить некоторые стилистические функции, которые причастия исполняют в научном тексте: причастные обороты вносят в текст книжный оттенок, способствуют краткости и сжатости изложения. (Розенталь 1998: 335.) Причастие на русском языке может находиться или после определяемого им слова или перед ним. Обычно причастие, однако, занимает постпозицию (Розенталь 1998: 334).

В русском научном тексте встречаются также деепричастия и настоящего, и прошедшего времени. Деепричастные обороты, как характерные конструкции книжного стиля, подобно причастным оборотам способствуют краткости и динамичности изложения (Розенталь 1998: 337). Деепричастные обороты в предложении выступают в функции второстепенного сказуемого, и в функции обстоятельства образа действия. Таким образом, существуют некоторые параллельные с деепричастиями конструкции, в том числе: придаточная часть сложноподчиненного предло-

жения, спрягаемая форма глагола, предложно-именное сочетание, причастный оборот. (Розенталь 1998: 338, 341.)

6.2.2 Причастные обороты и инфинитивные конструкции в финской научной речи

Следует отметить, что в финском языке существуют некоторые синтаксические конструкции, напоминающие своим функционированием причастные и деепричастные обороты в русском языке, и поэтому часто употребляемые в переводе этих оборотов. Так, подобные функции как причастия в русском, имеют причастные конструкции в финском. Как причастия русского языка, так и причастия финского имеют и страдательные и действительные формы (например: *lukeva*, *luettava*), и они способны представлять также разные временные связи со сказуемым главного предложения (например: *lukeva*, *lukenut*).

Подобные функции, как деепричастные обороты в русском, в финском предложении исполняют инфинитивные конструкции. Деепричастные конструкции от глагола несовершенного вида особенно часто переводятся на финский язык инструктивной формой второго инфинитива (например: *lukien*), так как одной из задач обеих конструкций является описание образа действия сказуемого. Инессив второго инфинитива и адессив третьего инфинитива также употребляются как переводы этих оборотов (Vehmas-Lehto 1984: 82–83). Деепричастие от глагола совершенного вида имеет в своей основной функции – в значении предыдущего действия - формальное соответствие во втором темпоральном обособленном обороте (Vehmas-Lehto 1984: 84).

Несмотря на формальные сходства этих конструкций в русском и финском языках, существуют, как будет показано и в нашей работе, другие способы переводить причастные и деепричастные обороты, часто более приемлемые с точки зрения адекватности синтаксиса в контексте языка перевода.

Итак, в финском предложении причастие имеет несколько разных функций. Во-первых, оно может выступать лексикализованным – в функции прилагательного или существительного. Во-вторых, оно входит в причастный оборот, который может действовать как определение существительного, именное словосочетание, предикативное обстоятельство, или предикатив, т. е. именная часть сказуемого (Накулинен et al. 2004: 515). Кроме того, причастие входит в состав реферативного обособленного оборота (Накулинен et al. 2004: 531). Как в русской, так и в финской научной речи причастные обороты увеличивают концентрированность изложения, а также его именной характер. Исследователи финского языка критикуют широкое употребление причастных оборотов в разных видах письменной речи, потому что с ним часто связано снижение читабельности текста. Проблематичным является, например, тяжелое причастное определение, которое может содержать даже несколько причастий (Itkonen 2000: 87), и нарушение правил употребления причастных оборотов касательно, например, отношений логического действующего и действия причастного оборота. (Itkonen 2000: 79-80.) Таким образом, в определенных случаях, учитывая читабельность текста, обоснованным является замена причастных оборотов другими синтаксическими конструкциями.

Инфинитивные формы обычно входят в состав так называемых обособленных оборотов, т.е. в конструкции, которые по своему содержанию соответствуют придаточному предложению, но действуют без спрягаемого глагола (Huovinen-Nyberg & Koivusalo 1980: 47). Самыми распространенными обособленными оборотами, кроме выше упомянутого реферативного обособленного оборота, являются темпоральный, финальный и модальный обороты. Как и причастные обороты, инфинитивные конструкции создают в тексте сжатость, характерную для финского научного стиля. С другой стороны, с употреблением определенных обособленных оборотов связаны проблемы истолкования текста, прежде всего, из-за отсутствия союзов, выражающих логические отношения между частями предложения. (Huovinen-Nyberg & Koivusalo 1980: 47.)

6.2.3 Функционирование причастных оборотов в переводе

В этом разделе рассмотрим некоторые примеры из нашего перевода, в которых причастные обороты имеют лексикализованный характер. Такие причастные конструкции в нашем исходном тексте часто употреблены способом, придающим им терминологический характер: их значения не полностью совпадают с обыкновенными, «словарными» значениями, так как они указывают на теоретические понятия формализма или социологической поэтики, описываемые автором произведения.

(4) А. Старая форма более автоматизована именно для поколения детей потому... (Медведев 2003: 174)

Б. Vanha muoto on automatisoituneempi juuri lasten sukupolvelle, koska...

(5) А. Цель всех приемов одна – создать ощутимо воспринимаемое построение (Медведев 2003: 121).

Б. Kaikilla keinoilla on yhteinen päämäärä – luoda aistittavasti vastaanotettava rakenne.

В примерах (4) и (5) причастные обороты действуют как прилагательные конструкции, что проявляется в том, что к ним присоединены типичные для прилагательных признаки: изменение по степеням сравнения (4 Б *automatisoituneempi*) и наречный атрибут (5 Б *aistittavasti vastaanotettava*). Таким образом, при данных и подобных конструкциях мы стремились в переводе передать, как можно точно, их специфический оттенок и на синтаксическом уровне, иногда даже за счет других стилистических факторов текста. Это иллюстрирует пример (5), где причастный оборот *aistittavasti vastaanotettava rakenne*, возможно, звучит не вполне естественной для финского читателя, но обоснована спецификой переводимого нами текста.

В следующих примерах причастные обороты действуют в атрибутивной функции. Рассмотрим и сравним разные варианты перевода.

(6) А. В Америке достаточно людей, понимающих литературу как Шкловский (Медведев 2003: 125).

Б. Amerikassa on kylliksi kirjallisuuden Šklovskin lailla käsittäviä ihmisiä.

В. Amerikassa on kylliksi ihmisiä, jotka käsittävät kirjallisuuden Šklovskin lailla.

(7) А. Все эти решения, найденные на идеалистической почве и соединенные с индивидуально-психологическим пониманием идеологического творчества, являются для нас неприемлемыми (Медведев 2003: 130).

Б. Mitään näitä idealistiselta pohjalta muotoiltuja ja individualistis-psykologiseen käsitykseen ideologisesta tuotannosta kytkettyjä ratkaisuja ei voida soveltaa tässä tarkastelussa.

В. Tässä tarkastelussa ei voida soveltaa mitään näitä ratkaisuja, jotka on muotoiltu idealistiselta pohjalta ja kytketty individualistis-psykologiseen käsitykseen ideologisesta tuotannosta.

Г. Mitään näitä ratkaisuja, jotka on muotoiltu idealistiselta pohjalta ja kytketty individualistis-psykologiseen käsitykseen ideologisesta tuotannosta, ei voida soveltaa tässä tarkastelussa.

В этих примерах причастные фразы употреблены как определения существительного. Варианты перевода (6 Б) и (7 Б) можно принять как формально соответствующие исходному предложению – причастные обороты сохранились. Они действуют атрибутивно относительно своих определяемых слов (*ihmisiä, muotoja*), а следовательно, согласно с правилами финского порядка слов, находятся в предпозиции. В эти причастные фразы включаются кроме самого причастия также другие элементы (например, дополнения, обстоятельства). В итоге получается предложение с тяжелой передней конструкцией, (ср. *Mitään näitä idealistiselta pohjalta muotoiltuja ja individualistis-psykologiseen käsitykseen ideologisesta tuotannosta kytkettyjä ratkaisuja*). Как было указано выше, подобные конструкции вызывают снижение читабельности текста. Это происходит, прежде всего, потому, что главное слово, тема предложения, следует только после длинной цепочки определений, осложняя таким образом у читателя процесс восприятия текста.

Учитывая скопос нашего перевода, в данном случае мы решили заменить причастный атрибут придаточным предложением с относительным

местоимением, так как этим способом можно обеспечить читабельность текста. Кроме того, в варианте (7 В) вся главная часть сложноподчиненного предложения была перенесена на начало, чтобы устранить вставную структуру, где главный глагол располагается в конце предложения, после всей цепочки определений (ср. вариант 7 Г).

Однако, данное решение проблемы читабельности, связанной с употреблением причастной фразы как атрибута, нельзя принимать как какой-то устойчивый принцип перевода. Об этом свидетельствует следующий пример, касающийся также причастного атрибута.

(8) А. Проблема, поставленная формалистами и неправильно ими разрешенная, остается, однако, в полной силе (Медведев 2003: 128).

Б. Formalistien asettama ja väärin ratkaisema tutkimusongelma on kuitenkin yhä voimassa.

В этом примере, также как в предыдущих, причастный оборот служит определением существительного – в данном случае подлежащего. В этом случае в переводе употреблено агентивное причастие, которое вместе с другими определениями создает атрибутивную цепочку перед главным словом. В отличие от примеров, данных выше, здесь эта цепочка не заменялась придаточным предложением, так как она не оказалась, по нашему мнению, слишком длинной для обеспечения читабельности предложения.

Следующие примеры служат иллюстрацией таких причастных конструкций, которые можно заменить способами, формально отличающимися от средств исходного текста, но более адекватными с точки зрения стиля финского научного текста.

(9) А. Ему посвящена основополагающая статья Эйхенбаума: «Как сделана "Шинель"» (Медведев 2003: 119).

Б. Sitä käsitlee Eichenbaumin perustavanlaatuinen artikkeli Kak sdelana "Šinelj" (Miten Gogolin Päälystakki on tehty).

(10) А. Контрастирующих форм, удовлетворяющих закону «автоматизации – осязательности», может быть сколько угодно (Медведев 2003: 177).

ствие может выражать также действие, которое по логике следует после действия главного глагола. Кроме этого первостепенного, временного значения, деепричастие имеет и другие значения. Во-первых, оно может характеризовать образ действия, подобно наречию. Во-вторых, оно способно показывать способ совершения какого-нибудь акта, и в-третьих, деепричастием выражается причина или условие действия сказуемого. Кроме того, деепричастные обороты встречаются во многих устойчивых словосочетаниях, действующих похоже предлогам (например: судя по..., исходя из..). (Vehmas-Lehto 1984: 80–82.)

Ниже рассмотрим некоторые примеры, в которых деепричастный оборот вызывает трудности при создании однозначного текста на финском языке, и следовательно, также с читабельностью перевода.

(11) А. Формалисты перевернули это положение, переставив его элементы один на место другого (Медведев 2003: 116).

Б. Formalistit käänsivät tämän olettamuksen ylösalaisin vaihdettuaan sen elementit toistensa paikoille.

В. Formalistit käänsivät tämän olettamuksen ylösalaisin vaihtaen sen elementit toistensa paikoille.

Г. Formalistit käänsivät tämän olettamuksen ylösalaisin vaihtamalla sen elementit toistensa paikoille.

(12) А. Экспрессивная интонация равно окрашивает смысл и звук, интимно сближая их в неповторимом единстве высказывания (Медведев 2003: 133).

Б. Ekspressiivinen intonaatio sävyttää yhtä lailla tarkoituksen ja äänteen lähentäen ne intiimisti lausuman ainutkertaisessa ykseydessä.

В. Ekspressiivinen intonaatio sävyttää yhtä lailla tarkoituksen ja äänteen ja lähentää ne intiimisti lausuman ainutkertaisessa ykseydessä.

Розенталь (1998: 337) уделяет внимание на потерю оттенков значения при употреблении деепричастных оборотов вместо придаточных обстоятельственных. В примере (11) эта проблематика конкретно иллюстрируется. Существуют варианты истолкования временных и каузальных отношений предложения: *Формалисты перевернули положение (а) после того, как переставили его элементы; (б) одновременно с тем как*

переставили; (в) путем перестановки его элементов. Из этих возможных толкований в переводе возникают разные варианты, т.е. инфинитивные конструкции *vaihdettuaan, vaihtaen, vaihtamalla*. В нашем истолковании в данном контексте деепричастие отвечает на вопрос: *каким способом формалисты перевернули положение*, т.е. выражает, прежде всего, способ действия, а не подчеркивает темпоральные отношения действий. Таким образом, самым приемлемым вариантом перевода является адессив третьего инфинитива (11 Г).

В примере (12 Б) деепричастие *сближая* переведено модальным обособленным оборотом, т.е. конструкцией инструктива второго инфинитива *lähentäen*. Употребление этой конструкции здесь, однако, проблематично, так как оно, как правило, предполагает одновременность двух действий, выраженных в основной части предложения и в обособленном обороте. По рекомендациям Терхо Итконена относительно употребления инструктива второго инфинитива, в тех случаях, когда эта конструкция имеет независимый характер или может быть истолкована как более позднее после действия сказуемого, ее лучше заменить отдельной фразой (Vehmas-Lehto 1984: 83). Таким образом, чтобы обеспечить логичность и адекватность нашего перевода на языке рецептов, в этом случае вместо обособленного оборота обосновано употребление фразы со спрягаемым глаголом (см. 12 В).

В следующих примерах употребление инфинитивной конструкции в переводе оказывается ненужным, так как семантическое содержание деепричастных оборотов (*оставаясь, направив*) присутствует в финских предложениях в имплицитном виде без соответствующих финских глаголов.

(13) А. Но почему они действительно легли рядом, нельзя объяснить, оставаясь в пределах лингвистических возможностей (Медведев 2003: 134).

Б. Mutta sitä, miksi ne tosiaan ovat vierekkäin, ei voi selittää pelkkien lingvististen mahdollisuuksien puitteissa.

(14) А. ...и только случайный толчок может привести в движение Буриданова осла, направив его в ту или другую сторону (Медведев 2003: 174).

Б. ...ainoastaan sattumanvarainen töytäisy voi saada aasin liikkeelle jompaankumpaan suuntaan.

Следует, однако, отметить, что деепричастные обороты в ходе нашего перевода в общем не вызывали значительных проблем. В большинстве случаев их можно было перевести с помощью обособленных оборотов, внимательно учитывая, однако, логичность и однозначность в предложении в целом. Кроме того, число деепричастных оборотов в исходном тексте было гораздо меньше по сравнению с причастными оборотами.

6.2.5 Выводы на основе анализа употребления причастных и деепричастных оборотов

Итак, на основе проанализированного выше употребления причастных и деепричастных оборотов в нашем переводе можно сделать некоторые выводы. Мы рассмотрели, прежде всего, такие типы причастных и деепричастных конструкций, которые, по ранее проведенным исследованиям читабельности финского текста (Т. Итконен, И. Вехмас-Лехто и др.), а также по нашему собственному опыту, могут вызывать трудности при переводе.

Что касается причастных оборотов, потенциальным фактором снижения читабельности чаще всего выступал причастный атрибут. Как было показано в примерах (6) и (7) если цепь причастного определения в исходном тексте, находящаяся в постпозиции по отношению к определяемому слову переводится на финский язык формально соответствующим причастным оборотом, получается тяжелая, предпозиционная конструкция, приводящая к осложнению восприятия текста. Следовательно, как было отмечено, решением этой проблемы является, как правило, замена причастного оборота относительным придаточным предложением.

Дальше, в анализе отмечалось специфическое употребление причастия в переводимом нами тексте. Определенные причастные обороты, особенно страдательное причастие настоящего времени, имеют лексикализованный характер и указывают на какое-либо теоретическое понятие, описанное в произведении. Касательно данных конструкций, мы пришли к такому выводу, что учитывая скопос нашего перевода, сохранение точности теоретической основы текста является принципом, который оправдывает появление выражений, типа, *aistittavasti vastaanotettava rakenne*, которые вне именно этого контекста могли бы показаться странными на финском языке.

Кроме вышесказанного, мы отметим еще один момент обнаруженный при анализе употребления причастных оборотов. Он заключается в том, что в финском языке существуют разные средства, которые могут быть употреблены вместо формально соответствующей, причастной конструкции, а именно сложные слова. Этими средствами часто можно повысить читабельность и стилистическую адекватность в контексте культуры рецепторов перевода.

Анализируя примеры употребления деепричастного оборота в нашем переводе мы сделали следующие выводы. Во-первых, деепричастия в русском языке имеют формальное соответствие в определенных инфинитивных конструкциях в финском языке, например, в инструктивной форме второго инфинитива. Схематическое, автоматизованное употребление этой конструкции, однако, может привести к стилистически неудачному или даже ошибочному переводу, так как она не способна передать все значения деепричастия, его временные и каузальные отношения к главному действию. Итак, как по отношению как к причастным оборотам, и так читабельность можно обеспечить путем замены проблематичных конструкций иными синтаксическими средствами, такими как: другие инфинитивные конструкции, придаточные предложения или спрягаемые глаголы.

6.3 Номинализованные структуры

Как мы уже отметили, как в финских, так в русских научных текстах часто употребляются длинные именные конструкции и сочетания глагола и существительного, так называемые глагольно-именные словосочетания. В русском языке номинализованные конструкции имеют книжный характер, и поэтому весьма употребительны, в частности, в области науки (Кожина 1983: 155). Хотя длинные именные конструкции характерны также финскому научному стилю, между русским и финским языками существуют, однако, различия относительно того, что считается плавным и читабельным.

Кроме того, научному стилю – и финскому, и русскому – свойственно стремление к отвлеченно-обобщенности, сжатости и однозначности. Один из самых значительных способов в создании этих черт – широкая употребительность номинализованных структур. Номинализованные структуры отражают отвлеченно-обобщенность предложения косвенным образом, не через саму структуру, а через семантико-грамматические характеристики существительного, являющегося центром номинализованных структур. (Лариохина 1979: 21-22.)

Вехмас-Лехто (1989: 156-157) сравнивает также частотность существительных, указывающих на действие, и в русских, и в финских публицистических текстах. Опять полагаем, что результаты в какой-то степени показательны и для нас. По материалу Вехмас-Лехто, частотность существительных, указывающих на действие, в русских текстах составляет 10%, а в финских – 6,2%. Вообще данная частотность в финских текстах ниже 5%, и можно рекомендовать, чтобы частотность существительных, указывающих на действие, в переводах была примерно такая же, как в аутентичных финских текстах. (Vehmas-Lehto 1989: 156-157.)

Тот факт, что частотность существительных, указывающих на действие, более высокая в русских текстах, чем в соответствующих финских текстах, следует из того, что в русском языке отглагольные существитель-

ные употребляются для того, чтобы породить стилистические различия между разными типами текста – их широкая употребительность очень типична для русского научного стиля. (Vehmas-Lehto 1989: 161.) По своей природе глагол – одно из главных средств выражения динамики. Отчасти поэтому русская научная речь противопоставляется художественной и разговорной по частотности употребления глагольных форм; именному характеру первой противостоит глагольный характер вторых. Кроме того, сравнивая научную речь с художественной в отношении употребления глагола, отчетливо виден качественный характер глаголов в первой и динамический во второй. (Кожина 1983: 145.)

В русских текстах номинализованные структуры широко употребляются для достижения высокой определенности выражения. Кроме того, субстантивные словосочетания характеризуются структурной усложненностью, что повышает их информативную емкость. (Лариохина 1979: 208.) Русские специалисты определяют номинализованные структуры как сжатые, четкие и весьма целесообразные структуры (Vehmas-Lehto 1989: 93, 154). Финская письменная речь, в свою очередь, не должна значительно отличаться от разговорной речи, то есть, избежание номинализованных структур более или менее характерно для всех финских стилей речи. (Vehmas-Lehto 1989: 163.)

Далее мы кратко рассмотрим, во-первых, два типа номинализованных структур, и во-вторых, с помощью некоторых примеров выявим влияние номинализованных структур на читабельность текста в рамках нашего перевода.

6.3.1 Свернутые и развернутые структуры

Н. М. Лариохина (1979: 21-23) разделяет случаи употребления номинализованных структур на два типа. Она называет первую группу свернутыми, а другую развернутыми структурами. Свернутые структуры – это именные группы, которые представляют собой трансформированные предикативные единицы. (Лариохина 1979: 21-22.) Свернутые номинализованные структуры способны выполнять любую функцию, типичную

существительному (Vehmas-Lehto 1989: 159). Широкое употребление свернутых номинализованных структур можно рассматривать как реализацию отвлеченно-обобщенности и сжатости на уровне синтаксиса, так как эти структуры характеризуются недифференцированностью грамматических значений в противоположность глагольным структурам, конденсатами которых они являются. Существительное не имеет категории вида, лица, залога, времени и наклонения, благодаря чему номинализованные структуры представляют действие более обобщенно, без избыточной для научной речи конкретизации. (Лариохина 1979: 21-22.) Проиллюстрируем тип свернутых номинализованных структур следующими примерами:

- (15) Развитие головного мозга способствовало возникновению и совершенствованию сознания и отвлеченного мышления (Лариохина 1979: 21).
- (16) В результате применения к жидкостям методов структурного анализа установлено, что по структуре жидкости подобны аморфным телам (Лариохина 1979: 21).

Развернутые номинализованные структуры, в свою очередь, образуются в результате развертывания глагола в глагольно-именное словосочетание. В этих структурах семантически полноценный предикат выражен соответствующим отглагольным существительным и семантически ослабленным глаголом. Отглагольное существительное занимает синтаксическую позицию подлежащего или дополнения, глагол же выполняет формальные функции выражения категории предикативности. (Лариохина 1979: 23; Vehmas-Lehto 1989: 159.) Относительно семантики, глагольно-именные словосочетания часто выступают синонимами к одиночным глаголам. Синонимичные глаголы бывают по преимуществу одного корня с именным компонентом сочетания. (Дерибас 1979: 6; Лариохина 1979: 23). Например:

- (17) Подвергаться обработке / обрабатывать(ся)
Совершать движение / двигаться (Лариохина 1979: 130.)

Нередки, однако, случаи, где значение глагольно-именного словосочетания отличается от значения соответствующего глагола:

(18) Antaa muistutus / muistuttaa

Toimittaa äänestys / äänestää (Vehmas-Lehto 1989: 160.)

Глагольно-именное словосочетание и синонимичный ему глагол, безусловно, близки, но не всегда адекватны по смыслу. Нередко они отличаются друг от друга и в стилистическом плане, и своей эмоционально-экспрессивной окраской. (Дерибас 1979: 6.)

Смысловое содержание глагольно-именного словосочетания сосредоточено в существительном, а значение глагола ослаблено. Глагол теряет свой номинативный характер и утрачивает способность самостоятельно выполнять функцию обозначения действия. Однако глагол не утрачивает свою собственную семантику целиком, свидетельством чего являются синонимические, антонимические и конверсные отношения, к выражению которых ослабленный глагол способен:

(19) Нанести вред / причинить вред

Привести в равновесие / вывести из равновесия

Оказывать давление / испытывать давление. (Лариохина 1979: 131.)

Ослабленным глаголом можно передать также, например, различную направленность действия:

(20) Дать обоснование / получить обоснование. (Лариохина 1979: 131-132.)

Следовательно, глагольно-именное словосочетание выражает действие или состояние более обобщенно и абстрагированно, чем глагол. Кроме того, широкое употребление развернутых номинализованных структур связано с большей определенностью и терминологичностью, которые также являются типичными чертами научной речи. (Лариохина 1979: 40, 134.)

6.3.2 Влияние номинализованных структур на читабельность

Самый существенный фактор, усложняющий восприятие текста, присутствие длинных и сложных атрибутов, связанных с главным словом. Это объясняется, отчасти, тем, что в русском языке предпочитают атрибуты, находящиеся после главного слова. В финском языке, в свою очередь, предпочитают атрибуты, находящиеся перед главным словом. Таким образом, существует значительное различие в порядке слов в предложении между русским и финским языками. Конструкции, разветвляющиеся направо, вообще считаются легко-понятными, даже если они длинные, а конструкции, разветвляющиеся налево, как в финском языке, могут затруднять чтение. Это является следствием ограниченности человеческой памяти – при конструкциях, разветвляющихся налево, рецептору нужно помнить все определения пока он не увидит (/услышит) главное, определяемое слово. (Vehmas-Lehto 1989: 180-184.)

Хотя номинализованные структуры в русских текстах вообще полностью приемлемы, они легко могут причинять многозначность и неотчетливость именно потому, что они лишены всяких грамматических категорий. Вехмас-Лехто (1989: 162) приводит следующий пример: существительное, указывающее на действие – слово *развитие* – имеет два соответствия в финском языке, *kehittyminen* и *kehittäminen*. Таким образом, русское слово *развитие* на глубинном уровне соответствует предложениям «А развивается» и «А развивает Б», тогда как в финском языке на поверхностном уровне данные предложения выражаются двумя разными словами. (Vehmas-Lehto 1989: 162.) Кроме того, иногда образование сложных номинализованных структур оказывается просто ненужным, искусственным, ведущим лишь к утяжелению и «сухости» речи (Кожина 1983: 155).

В принципе номинализованные структуры возможны также в финском языке. Однако, употребление отглагольных существительных, особенно существительных, указывающих на действие, очень непопулярно среди

специалистов по финскому языку. Выражение «субстантивная болезнь» хорошо отражает негативное отношение финнов к обильному употреблению отглагольных существительных и ослабленных глаголов. (Vehmas-Lehto 1989: 163.) Вообще, финны стремятся к избежанию бесполезного повторения, и если одно слово достаточно и сообщение можно выразить одним глаголом, то не нужно употреблять глагольно-именное словосочетание (Koivusalo & Huovinen-Nyberg 1980: 64). Например:

(21) Antaa vastaus – vastata

Asettaa rajoituksia – rajoittaa

Olla tietoinen – tietää

Tehdä arvio – arvioida (Koivusalo & Huovinen-Nyberg 1980: 64.)

Далее, «субстантивная болезнь» оказывает негативное влияние на стиль финского текста и причиняет трудности при восприятии текста. Такие трудности, в большинстве случаев, связаны с существительными, указывающими на действие, и в финском языке существительные, указывающие на действие, часто образуются словообразовательным суффиксом *-minen*. Трудности при восприятии текста, связанные с такими существительными, являются следствием отсутствия категории времени у отглагольных существительных и многозначности определений в родительном падеже. (Vehmas-Lehto 1989: 164.) Хотя высокая частотность существительных с суффиксом *-minen* является признаком «субстантивной болезни», такие существительные можно употреблять вполне успешно. Выражение становится «больным» только тогда, когда существительные превращают простое высказывание, делая его замысловатым. (Itkonen 2000: 92.)

6.3.3 Методы сокращения частотности номинализованных структур

Далее, как было отмечено выше, длинные именные конструкции являются одним из факторов снижения понятности текста с точки зрения

финских рецепторов. Чтобы перевод был похожим на финские тексты, необходимо сократить частотность существительных и повысить частотность глаголов и наречий. (Vehmas-Lehto 1989: 154-155.)

Один простой способ для сокращения частотности существительных – заменить глагольно-именное словосочетание соответствующим глаголом, где это возможно (Vehmas-Lehto 1989: 155). Рассмотрим примеры из нашего перевода.

(22) А. Это компенсация достигается обычно более напряженной и широкой ориентацией данного материала в чисто литературном контексте (Медведев 2003: 169).

Б. Yleensä tätä puutetta kompensoidaan kyseisen materiaalin voimakkaammalla ja laajemmalla orientaatiolla puhtaasti kirjallisessa kontekstissa.

(23) А. Однако, это положение нуждается в существенном дополнении (Медведев 2003: 145).

Б. Tätä periaatetta on kuitenkin olennaisesti täydennettävä.

(24) А. Постижение действительности совершается с помощью действительного слова, слова-высказывания (Медведев 2003: 145).

Б. Todellisuus käsitetään todellisen sanan, sana-lausuman, avulla.

(25) А. Осознание и понимание действительности совершается вовсе не с помощью языка и его форм в точном лингвистическом смысле слова (Медведев 2003: 145).

Б. Todellisuutta ei tiedosteta ja ymmärretä suinkaan kielen ja sen muotojen avulla sanan tarkassa lingvistiksessä merkityksessä.

В этих примерах глагольно-именные словосочетания заменили глаголом, соответствующим семантике существительного. Такие случаи не являются по существу переводческими проблемами, потому что их легко решить, если переводчик осознает существующие различия между русскими и финскими функциональными стилями. Такие простые изменения, однако, оказывают влияние на стиль целого текста и позволяют сократить частотность употребления существительных при создании читабельного перевода.

Кроме того, достижение читабельности перевода требует, прежде всего, замены частей речи и членов предложения (Vehmas-Lehto 1989: 155). В следующих примерах существительные (примеры 26 и 27), а также одно причастие и одно прилагательное (пример 28) заменили глагольными конструкциями.

(26) А. ...каждый жанр обладает своими способами, своими средствами видения и понимания действительности, доступными только ему (Медведев 2003:145).

Б. ...jokaisella lajilla on omat, vain sen käytössä olevat tapansa ja keinonsa nähdä ja ymmärtää todellisuutta.

(27) А. Качественное своеобразие исторического - его принципиальная невместимость в пределы одной жизни индивидуального субъекта – этим принципиально игнорируется (Медведев 2003: 163).

Б. Tässä jää pääasiallisesti huomiotta historiallisen laadullinen erityislaatu ja se, ettei se pääasiallisesti sovi yhden yksilöllisen subjektin elämän puitteisiin.

(28) А. Метафоры А. Блока или ритмика Маяковского, действительно производят впечатление поэтической речи «заторможенной», «кривой», но только на читателя, воспитанного – скажем – на А. Толстом, Полонском или Бальмонте, - как бы еще не посвященного, непривычного к новому искусству... (Медведев 2003: 162).

Б. Blokin metaforat tai Majakovskin rytmikka saavat todellakin poeettisen kielen vaikuttamaan "hidastetulta", "koukeroiselta", mutta ainoastaan lukijasta, joka ei ole perehtynyt ja tottunut uuteen taiteeseen vaan on kasvanut vaikkapa A. Tolstoin, Polonskin tai Balmontin parissa...

При переводе мы совершили также некоторые замены частей речи и членов предложения. Хотя предложение в примере (26) несложное, там можно видеть, как в русском языке существительные разветвляются направо (*средствами видения и понимания действительности*). Если бы данное предложение было переведено слово в слово *todellisuuden näkemisen ja ymmärtämisen keinonsa*, то существительное разветвлялось бы налево, что затруднило бы восприятие текста. Поэтому существительные лучше переводить при помощи глаголов *nähdä* и *ymmärtää*. Согласно Вехмас-Лехто (1989: 155), кроме существительных также прилагательные необходимо заменять глаголами и наречиями, чтобы создать читабельный финский перевод. Здесь причастный оборот *не посвященный* заменили глаголом прошедшего времени *ei ole perehtynyt* и

прилагательное *непривычный* глаголом *ei ole tottunut*. Далее, когда делаются замены частей речи и членов предложения, часто изменяется и порядок слов, как в примере (27).

Как мы уже отмечали, в научном тексте стремятся к сжатости, и поэтому частотность существительных иногда можно сократить удаляя семантически ненужные слова (Vehmas-Lehto 1989: 155, 165). Рассмотрим примеры:

(29) А. Оно прежде всего явилось выражением тех тенденций и тех проблем, которые стали на очереди в работе самих художников и в сознании знатоков и ценителей искусства (Медведев 2003: 44).

Б. Ennen kaikkea formaali suuntaus ilmensi niitä tendenssejä ja ongelmia, jotka nousivat esiin taiteilijoiden työssä ja taiteentuntijoiden tietoisuudessa.

(30) А. На самом же деле всякая идеологическая область и всякое отдельное идеологическое явление обретает свое истинное своеобразие и свою специфичность именно в живом взаимодействии с другими явлениями. При изучении литературы в живом взаимодействии с другими областями и в конкретном единстве социально-экономической жизни не только не утрачивается ее своеобразие, но, напротив, это своеобразие только и сможет до конца и всесторонне раскрыться и определиться в этом процессе взаимодействия. (Медведев 2003: 31.)

Б. Itse asiassahan mikä tahansa ideologian alue ja mikä tahansa yksittäinen ideologinen ilmiö saavuttaa todellisen omalaatuisuutensa nimenomaan elävässä vuorovaikutuksessa muiden ilmiöiden kanssa. Kun tutkitaan kirjallisuutta elävässä vuorovaikutuksessa muiden alueiden kanssa ja sosioekonomisen elämän konkreettisessa yhtenäisyydessä, sen ominaislaatuisuutta ei suinkaan menetetä vaan tämä omalaatuisuus voi päinvastoin avautua lopullisesti ja tulla määrittelyksi tässä vuorovaikutusprosessissa.

(31) А. Вместо того, чтобы вскрыть социологичность литературных явлений изнутри, пытались прошибить их извне, стремясь во что бы то не стало доказать определяющие воздействия на литературные явления единственно и исключительно внелитературных факторов (хотя бы и других идеологий) (Медведев 2003: 35).

Б. Sen sijaan, että olisi avattu kirjallisuuden ilmiöiden sosiologisuutta sisältäpäin, niihin yritettiin päästä käsiksi ulkoapäin ja pyrittiin väkisin todistamaan, että ainoastaan kirjallisuudenulkopuolisilla tekijöillä (esimerkiksi muilla ideologioilla) on määrittävä vaikutus kirjallisuuden ilmiöihin.

Параллелизм значит, что употребляются синонимы и близкие по значению слова вместе, один за другим. Вообще это касается атрибутивных

конструкций или существительных. Коммуникативная функция такого параллелизма – создать убедительность при помощи длинных списков и двойных выражений. В русских текстах параллелизм является очень типичной чертой, но финский читатель не привык к употреблению семантически ненужных слов и параллелизма, которые только вводят его в заблуждение. (Vehmas-Lehto 1989: 88-92.) В наших примерах параллельные слова – не только существительные, но и наречия. Во всех этих примерах в русском варианте имеется два семантически совместимых слова, а в финском переводе мы соблюдали принцип избегания бесполезного повторения и удалили ненужные слова, где достаточно одного эквивалента. Семантическая утрата в таких случаях незначительна, но текст приобретает четкость (Vehmas-Lehto 1989: 92). Удаление ненужных существительных, конечно, сокращает частотность существительных в тексте, и таким образом, делает перевод более читабельным.

Номинализованные структуры часто встречаются вместе с переводческими клише (Vehmas-Lehto 1989: 173) и с некоторыми предложными конструкциями. В следующих примерах рассмотрим случаи, где предлог в русском варианте требует употребления существительного.

(32) А. Ведь здесь имеет место попытка как-то оживить идеологический пафос материала, усилить его акценты путем обращения к прошлому литературы, путем изменения и обновления его контекста... (Медведев 2003: 169).

Б. Tässähän on kyse pyrkimyksestä elvyttää jotenkin materiaalin ideologista paatosta, vahvistaa sen aksentteja viittaamalla menneeseen kirjallisuuteen, muuttamalla ja uudistamalla sen kontekstia...

(33) А. От случаев обновления материала путем намеренного создания дифференциальных ощущений следует строго отличать те случаи.. (Медведев 2003: 169).

Б. Materiaalin uudistamisen tapauksista täytyy tarkoituksellisesti luomalla differentiaalisia aistimuksia selvästi erottaa ne tapaukset..

Русский предлог *путем* требует родительного падежа существительного. В финских вариантах можно было употреблять подобную конструкцию: *viittauksen menneeseen kirjallisuuteen avulla, sen kontekstin muutok-*

sen ja uudistamisen kautta... Вместо того, однако, лучше употреблять простые глагольные конструкции *viittaamalla, muuttamalla, uudistamalla, luomalla*, которые делают предложения более простыми и читабельными.

6.4 Выводы на основе анализа употребления номинализованных структур

Необходимо, чтобы создаваемый перевод был читабельным. Часто, однако, переводчик подсознательно придерживается форм исходного языка, и в результате перевод включает в себе редкие формы слов, нетипичный синтаксис и странные слова или словосочетания. Такие черты, конечно, снижают читабельность текста. Чтобы избежать такой ситуации, переводчику необходимо осознать характерные черты исходного языка и языка, на который он переводит.

Как по русским, так и по финским источникам, для научного языка характерны длинные именные конструкции и сочетания существительного и глагола. По-нашему, в употреблении номинализованных структур между этими двумя языками существуют, однако, значительные различия. В русском языке номинализованные конструкции весьма употребительные и изображаются как сжатые и отвлеченно-обобщенные. Они часто употребляются именно в научном стиле. Согласно специалистам по финскому языку, однако, высокая частотность номинализованных структур является одним из факторов, которые затрудняют восприятие текста. Влияя на читабельность текста, номинализованные структуры являются важными относительно нашего скопоса, и поэтому их рассмотрение включено в нашу дипломную работу.

Самая существенная причина для того, что отношение к употреблению номинализованных структур так различно в русском и финском языках, заключается в том, что атрибуты, связанные с существительными, разветвляются в разных направлениях. В русском языке номинализованные конструкции разветвляются направо, то есть, атрибуты следуют за

существительным, а что касается финского языка, атрибуты предшествуют существительному. Номинализованные структуры, разветвляющиеся налево, вообще считаются трудными потому, что рецептору необходимо помнить все слова предшествующие существительному. Поэтому номинализованные структуры могут вызывать трудности при переводе.

Кроме того, частотность существительных вообще более высокая в русских текстах, чем в финских, и соответственно, частотность глаголов более низкая в русских текстах, чем в финских. Поэтому важно сократить частотность существительных вообще, чтобы перевод был, также по структуре, похожим на аутентичные финские тексты. Далее, существительное не имеет категории вида, лица, залога, времени и наклонения, благодаря чему номинализованные структуры представляют действие более обобщенно. Обобщенность типична для научного стиля, но с другой стороны, отсутствие этих грамматических категорий может вызывать многозначность выражения.

В нашем анализе мы рассмотрели четыре типа случаев, где существительное можно заменить глаголом. На основе нашего анализа можно утверждать, что для достижения читабельности перевода переводчику необходимо осознать существующие различия между нормами исходного языка и языка, на который он переводит. Именно таким образом переводчик может учитывать эти факторы при решении трудностей, возникающих в процессе перевода.

7 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной дипломной работе были поставлены следующие цели: во-первых, создать читабельный и единый перевод по нашему скопосу, то есть по определяемым нами функциям (целям) перевода. Во-вторых, показать различия между финским и русским научными стилями и что их учитывали в процессе создания перевода. Здесь важно добавить, что как теория и практика нам показали, между данными стилями существует и довольно много общего. Поэтому в аналитической части работы мы рассматривали также такие случаи, в которых выявлялись такие сходства. В течение всего процесса перевода и при анализе мы действовали согласно принципам, определяемым нами в скопосе данного перевода.

Как мы уже отметили во Введении, наша дипломная работа создана группой из четырех человек. Это оказало большое влияние на наши методы работы. Следовательно, нам нужно было принимать все решения вместе, что касается теории и практики данной работы. Например, при переводе мы договорились о том, какие термины употребляются, и каково содержание дипломной работы. По нашему мнению, работа в

группе была довольно успешной, так как нам удалось создать единый перевод, которым и мы и заказчик перевода довольны, и, кроме того, мы были способны как группа писать данную дипломную работу. Разумеется, мы сталкивались с некоторыми трудностями, которые, в основном, связаны с тем, что работу нужно было завершить за ограниченное время.

Выбор тем для аналитической части определялся принципами, существенными с точки зрения связности и читабельности перевода. Данными темами являются, во-первых, метатекстуальные явления, т.е. межличностное взаимодействие автора и адресатов и текстообразующие коннективы, и, во-вторых, синтаксические явления, т.е. длина предложения, причастные и деепричастные обороты и номинализованные структуры. Далее коротко представим важнейшие выводы по этим темам работы.

При переводе средств выражения межличностных отношений между автором и адресатами, то есть ссылок автора на самого себя, выражений коллективного «мы» и обращений к адресатам, мы пришли к следующим выводам. Принимая во внимание скопос всего перевода, мы решили, например, употреблять пассивные конструкции, чтобы перевод был единым, несмотря на то, что переводчиков было четыре. Далее, мы употребляли также безличностные конструкции, которые наряду с пассивными являлись хорошим средством потому, что в некоторых случаях нелегко узнать, говорит ли автор о самом себе или коллективно как о самом себе, так и об адресатах. Иногда мы даже отбрасывали данные выражения или заменяли их выражениями другого типа, чтобы перевод был более подходящим для финского адресата. Однако, порой нам было необходимо разрушать нормы финского научного дискурса, чтобы передать точное содержание, нюансы и сообщение оригинального текста. Вообще говоря, можно констатировать, что на проявление выражений межличностных отношений в научных текстах оказывают влияние многие факторы, среди которых, например, нормы общих научных «правил игры», культурно-специфические нормы, а также личность и манеры письма автора.

На основе анализа трех типов сцепления можно сделать некоторые выводы. Во-первых, один и тот же русский коннектив на финский язык возможно переводить разными способами, однако сохраняя определенный тип сцепления, выражаемый коннективом, например, многозначный коннектив *и* можно переводить на финский коннективами *myös, lisäksi, ja* и т.д. Во-вторых, разные русские коннективы, создающие сцепления одного и того же типа, можно переводить одним финским коннективом, например противительные коннективы *но* и *однако* можно переводить коннективом *kuitenkin*. В-третьих, многие коннективы имеют несколько разных значений в зависимости от контекста проявления коннектива. Кроме этого коннектив, создающий определенный тип сцепления, может иметь какой-либо оттенок другого типа сцепления. Автор текста может также выражать свои собственные мнения и предпочтения при помощи коннективов. Различие между коннективами, выражающими один и тот же тип сцепления, может основываться на том, что с помощью одного из них автор сильнее подчеркивает свое мнение. Итак, в переводе нужно обращать внимание на все эти признаки коннективов, передавая их также адресатам перевода.

На основе анализа синтаксического уровня можно сделать следующие выводы. Во-первых, слишком длинные предложения являются потенциальной причиной снижения читабельности финского текста. Так, длинные предложения на исходном языке можно в переводе разделить на части, т.е. передать информацию в меньших единицах, учитывая, однако, связность текста с помощью разных коннекторов. С другой стороны, повторяющиеся, короткие предложения могут придать тексту монотонность, которую можно избежать соединением предложений, с помощью, в частности, союзов.

Во-вторых, перевод цепочки причастного определения в русском предложении причастным оборотом на финский язык, вызывает тяжелую, предпозиционную конструкцию, которая часто осложняет восприятие перевода. Читабельность можно улучшить заменой причастного оборота придаточным предложением с относительным местоимением. В-

третьих, в переводе деепричастных оборотов следует учитывать их возможные, разные значения. Формально соответствующий перевод деепричастного оборота настоящего времени, может привести к потере аспектов значения, или даже к неудачному переводу. Существуют иные синтаксические средства перевода деепричастия, в том числе, другие инфинитивные конструкции, придаточные предложения.

Далее, относительно употребления существительных можно констатировать, что вообще частотность существительных более высокая в русском языке, чем в финском языке. Поэтому, чтобы перевод соответствовал аутентичным финским текстам и был читабельным для финских читателей, частотность существительных должна быть сокращена. При анализе мы рассмотрели четыре способа сокращения частотности существительных. Во-первых, глагольно-именное словосочетание можно заменить глаголом, семантически соответствующим существительному словосочетания. Во-вторых, иногда можно делать также замены частей речи и членов предложения, и заменить другие части речи глагольными конструкциями. Кроме того, удаление семантически параллельных слов, согласно финскому принципу избегания бесполезного повторения, делает текст более четким и читабельным. Наконец, некоторые предложные конструкции, требующие родительного падежа существительного в русском языке, лучше переводить при помощи глагольной конструкции.

На основе анализа данных тем, можно отметить, что при переводе нужно обращать внимание на многие, весьма многообразные, факторы, присутствующие как на языковом уровне, так и на уровне содержания текста. Переводчику необходимо анализировать текст как на метатекстуальном уровне, так и на синтаксическом уровне, чтобы создать связный, читабельный перевод, подходящий культуре адресатов. Однако, мы хотим еще подчеркнуть, что наши темы анализа вовсе не единственные факторы, оказывающие влияние на связность и читабельность перевода, но, по нашему мнению, именно эти темы оказались самыми важными вопросами в процессе перевода.

В целом, можно отметить, что писать дипломную работу, которая содержит теоретическую и практическую части, оказалось для нас интересным и поучительным процессом. Полученный опыт, например, опыт работы в группе и перевод, окажутся, наверное, полезным в будущей профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Белошапкина, В.А. & Лозано, М.А. 1996. Функционирование слов так и например в письменной научной речи. Караулов Ю.Н. (отв.ред): *Словарь. Грамматика. Текст*. Москва: Российская академия наук, 187-194.
- Боброва, А.В. 1999. *Грамматика русского языка*. Москва: Издательство «Цитатель».
- Дерибас, В.М. 1979. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. Москва: «Русский язык».
- Дымарская-Бабалян, И.Н. 1988. *О связности текста*. Ереван: Издательство Ереванского университета.
- Золотова и др. = Золотова, Г.А., Опиненко, Н.К. & Сидорова, М.Ю. 1998. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва: Филологический факультет МГУ.
- Кожина, М.Н. 1983. *Стилистика Русского языка*. Москва: Просвещение.
- Лариохина, Н. М. 1979. Вопросы синтаксиса научного стиля речи. Анализ некоторых структур простого предложения. Москва: «Русский язык».
- Метс и др. = Метс, Н.А. & Митрофанова, О.Д. & Одинцова, Т.Б. 1981. *Структура научного текста и обучение монологической речи*. Москва: Русский язык.
- Рейман, Е.А. 1978. О значении слов в текстах разных функциональных стилей. Е.С. Троянская (отв.ред): *Стиль научной речи*. Москва: Наука, 117-128.

- Ванхала-Анишевски, М. 1996. Интерперсональные отношения в русском письменном научном дискурсе. Ю.Н. Караулов (отв. редактор): *Словарь, грамматика, текст*. Москва: Российская академия наук, 328-333.
- Ванхала-Анишевски, М. 2001. Textoобразующий метатекст в русской и финской научной речи. *Scando-Slavica*, Tomus 47, 39-52.
- Розенталь, Д.Э. 1998. *Стилистика русского языка*. Москва: АСТ-ЛТД.
- Enkvist, N.E. 1978. *Tekstilingvistiikan peruskäsitteitä*. Jyväskylä: K.J. Gummerus Osakeyhtiön kirjapaino.
- Halliday, M.A.K. 1973. *Explorations in the Functions of Language*. London: Edward Arnold.
- Halliday, M.A.K. & Hasan, R. 1976. *Cohesion in English*. Hong kong: Shek Wah Tong Printing Press.
- Hakulinen, A. & Karlsson, F. 1995. *Nykysuomen lauseoppi*. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy.
- Hakulinen et al. = Hakulinen, A., Vilkuna, M., Korhonen, R., Koivisto, V., Heinenon, T., Alho, I. 2004. *Iso suomen kielioppi*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Koivusalo, E. & Huovinen-Nyberg, L. 1980. *Selkeä virkakieli*. Helsinki: Valtion Painatuskeskus.
- Itkonen, T. 2000. *Uusi kieliopas*. Helsinki: Tammi.
- Korhonen, R. & Kusch, M. 1989. The Rhetorical Function of the First Person in Philosophical Texts – the Influence of Intellectual Style, Paradigm and Language. M. Kusch & H. Schröder (toim.): *Text, Interpretation, Argumentation*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 61-78.

- Luukka, M-R. 1992a. Akateemista metadiskurssia. *Tieteellisten tekstien tekstuaalisia, interpersonaalisia ja kontekstuaalisia piirteitä*. Korkeakoulujen kielikeskuksen julkaisuja n:o 46. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto.
- Luukka, M-R. 1992b. Varmuuden kahdet kasvot tieteellisessä tekstissä. *Viritäjä*, 96, 361-379.
- Luukka, M-R. 1994. Minä, sinä, hän – tieteellisten tekstien ihmissuhteet. *Viritäjä*, 1, 25-43.
- Luukka, M-R. 1995. *Puhuttua ja kirjoitettua tiedettä: funktionaalinen ja yhteisöllinen näkökulma tieteen kielen interpersonaalisiin piirteisiin*. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto.
- Mauranen, A. 1993. *Cultural Differences in Academic Rhetoric. A Textlinguistic Study*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Mauranen, A. 1994. Kulttuuri kirjoittaa meissä – halusimmepa tai emme. *Tiedepolitiikka*, 4, 31-38.
- Niemelä et al. = Niemelä, P., Lagerspetz, K., Lagerspetz, K., Näätänen, R. 1991. *Miten kirjoitan tieteellisen artikkelin. Tieteellinen kirjoittaminen ja kansainvälinen julkaiseminen*. Porvoo: WSOY.
- Nord, C. 1994. Texts in Situations. A functional model for text analysis in translation teaching. *Translation & Text Linguistics*. Moskva, 105-127.
- Reiss, K. & Vermeer, H. 1986. *Mitä kääntäminen on*. Suom. P. Roinila. Gaudamus. Helsinki.
- Saukkonen, P. 1984. *Mistä tyyli syntyy?* Juva: WSOY.
- Schröder; H. 1992. Diskurssin, kulttuurin, paradigman ja kielen vuorovaikutus tieteellisessä tekstissä. R. Korhonen, M. Kusch & H. Schröder (toim.): *Lopussa teksti*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 169-205.

- Vande Kopple, William J. 1988. Metadiscourse and the Recall of Modality Markers. *Visible Language*, Vol. XXII (2/3), 232-267.
- Vanhala-Aniszewski, M. 1997. Kirjoittaja-minä venäjänkielisessä tieteellisessä tekstissä. *FINLANCE. A Finnish Journal of Applied Linguistics*, Vol. XVII, 70-79.
- Vanhala-Aniszewski, M. 1999. Konnektiivit venäläisessä tieteen retoriikassa. *Erikoiskielet ja käännösteoria, kieli ja retoriikka*. VAKKI-symposiumi XIX, Vaasa 13.–14.2.1999, 374–386.
- Vehmas-Lehto, I. 1984. Venäjän gerundien suomentaminen. *Virittäjä*, 1, 79-85.
- Vehmas-Lehto, I. 1989. *Quasi-correctness. A critical study of Finnish translations of Russian journalistic texts*. Neuvostoliitto-instituutin vuosikirja 31. Helsinki: Neuvostoliittoinstituutti.
- Vehmas-Lehto, I. 1999. Kopiointia vai kommunikointia. Johdatus käännösteoriaan. Helsinki: Finn Lectura.
- Vuoriniemi, J. 1976. Konnektorit tekstin strukturoijina. *Virittäjä*, 80, 192-215.

ИСТОЧНИКИ

- Медведев, П. Н. 2003. *Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику*. Москва: Издательство «Лабиринт».
- Медведев, Ю.П. 1992. «Нас было много на челне...». *Диалог. Карнавал. Хронотоп*, N:o 1, 89-108.
- Alanko, O. & Käkelä-Puumala, T. (toim.) 2001. *Kirjallisuudentutkimuksen peruskäsitteitä*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.
- Bahtin, M. 1991. *Dostojevskin poetiikan ongelmia*. Suom. P. Nieminen & T. Laine. Helsinki: Orient Express.
- Brandist, C. 2002. *The Bakhtin Circle. Philosophy, Culture and Politics*. London: Pluto Press.
- Medvedev, P. N. 2005. *Formaali metodi kirjallisuustieteessä*. Toim. T. Laine & M. Lähteenmäki. Suom. M. Haapaniemi, S. Kaikkonen, K. Leinonen & S. Mäkikangas. Painossa.
- Pesonen, P. & Suni, T. (toim.) 2001. *Venäläinen formalismi. Antologia*. Suom. T. Suni. Pieksämäki: Kirjapaino RT-Print Oy.
- Sulkunen, P. 1992. *Johdatus sosiologiaan*. Juva: WSOY.
- Vološinov, V. 1990. Kielen dialogisuus. *Marxismi ja kielifilosofia*. Suom. T. Laine. Tampere: Vastapaino.